Мельранский резонанс

Автор:
Ясмина Сапфир

Мельранский резонанс

Ясмина Сапфир

Мельранские истории #3

Милана легла на операцию, а очнулась в далеком будущем, на планете Мельрана. Эксперименты здешних ученых сделали из нее индиго, а оживил ее… один из очень богатых и влиятельных местных жителей. Милана оказывается втянута в невероятные приключения. Один родовитый мельранец хочет сделать ее инкубатором для своих детей. Другой – своей женщиной, а кое-кто – спасительным кругом. А еще… еще Эймердина Саркатта, знатная и высокородная мельранка, выступит в роли амазонки…

Ясмина Сапфир

Мельранский резонанс

Том 1

Пролог

– Милана? Вы что-нибудь помните? – я очнулась в центре огромного голубого помещения-многогранника, в окружении цилиндрических аквариумов. Вот только плавали там не рыбы, а гуманоиды. Женщины, мужчины, странные существа, похожие на человекообразных ящеров и птиц словно повисли в воде и лишь иногда слабо вздрагивали. Плотно сомкнутые веки трепетали, и зрачки двигались под ними, как во сне.

Все это напоминало лабораторию из фантастических фильмов. Тело было сухим, но каким-то чужим и липким… Я машинально ощупала нос – причину всех своих бед и обнаружила, что он зажил. Так, отлично.

Я попыталась проверить обоняние, втянула воздух, но… не почувствовала ничего. Казалось, здесь совершенно отсутствуют даже слабые ароматы. И это выглядело неестественным, пугающим.

Я не ощущала даже запаха собственного тела…

Голос, который разбудил меня, лился откуда-то сбоку и сверху. Но сейчас как назло замолк. Подо мной располагался то ли громадный стол, то ли такая странная кровать, с мягким полупрозрачным покрытием, похожим на полиэтиленовый пакет с желе внутри. «Желе» перекатывалось под пальцами и нагревалось при касании.

– Милана? Ответьте? Вы что-нибудь помните?

Я повертела головой, но источник звука так и не обнаружила. Только желтые светильники под потолком ослепили и ненадолго в поле зрения кружили яркие точки.

Я осторожно присела и не нашла ничего лучше, чем ответить:

– Да, я помню. Меня зовут Милана Залалатдинова. Мне тридцать пять лет, не замужем. Ну, не сложилось. Легла в больницу, чтобы прооперировать нос, убрать искривление перегородки и… проснулась тут.

– Все верно, – согласился голос. – Ты пролежала в коме без малого тысячу лет. И человеческие врачи так и не смогли ни установить – почему, ни вывести тебя из

этого состояния. Поэтому они отдали тебя нам. При помощи особой сыворотки мы заставили тебя мутировать, разбудили древние гены предков людей – мельранцев. Тебе очень повезло, Милана Залалатдинова. Потому что из сотен подопытных выжила только ты, остальные погибли в процессе. Тебя оживил плазменный индиго, наполовину мельранец, в рамках экспериментальной программы. Теперь ты индиго – особый подвид человека. Но, к сожалению, мы не сможем отпустить тебя прямо сейчас. Свангард Лимраньи – глава одного из самых влиятельных мельранских родов заплатил за твое лечение, чтобы ты стала… суррогатной матерью его ребенка…

Голос говорил что-то еще, а я слышала лишь бешеный стук сердца в ушах, озиралась и понимала – я в западне. Страха не было, паники тоже. И мысли не возникало, что все сказанное – не более чем глупый розыгрыш, бред, галлюцинации. Напротив, я почему-то твердо знала – все это правда.

Теперь я житель далекого будущего, и продана влиятельному инопланетнику в качестве инкубатора. Стоп! Откуда я все это знаю?

Про инопланетянина голос не сказал ни слова!

Казалось, сведения заливались в голову со страшной скоростью. И не только информация – образы, запахи, звуки. Все это бурлило в мозгу и мельтешило, как фильм, включенный на ускоренную перемотку. Мысли метались туда-сюда, но очень быстро картина нового мира выстроилась перед глазами так, словно я родилась в этом времени и на этой планете.

Земля входила в большой Галактический союз, вместе с еще несколькими расами. Гуманоидными и негуманоидными – рогатыми, хвостатыми, клыкастыми, покрытыми чешуей и панцирем. Ящерами и даже растениями.

Мельранцы, как недавно выяснили ученые Союза – далекие предки людей. Когда-то корабль их разбился на нашей планете, и экипаж вынужден был выживать, осваивать новый мир.

Постепенно люди утратили многие удивительные свойства мельранцев, но обрели другие, гораздо более полезные для жизни на Земле. Неандертальцы, питекантропы и прочие доисторические расы не имели к нам никакого отношения. Мы развивались параллельно, и вскоре потомки мельранцев

захватили голубую планету.

Индиго – очень странный, новый подвид людей. В них проснулись гены древних мельранцев, но частично мутировали. Индиго не такие как люди и не такие как мельранцы. Они… другие.

Я вдохнула, суматошно оглянулась и ощущение западни усилилось. Итак, я рабыня. Да, по сути, так и есть. Я принадлежу неведомому Свангарду Лимраньи. Прямо самый большой и распространенный страх контактеров моего времени. Каждый второй из них рассказывал, что инопланетяне проводили над ним опыты, заставляли вынашивать и рожать детей-мутантов. Надо мной тоже проводили опыты, и теперь предстоит тот самый, второй этап.

Что ж… Милана Залалатдинова. Надо выживать! Не вешать нос и стараться приспособиться. А там… кто знает. Ты выкарабкалась, и это уже полдела.

– Она очнулась? – приятный мужской голос звучал откуда-то справа, словно, из-за двери. Я всмотрелась в стены. Нет, ничего похожего на дверь там не обнаружилось. Впрочем, если я ее не вижу, это еще не значит, что ее здесь нет.

– Почему вы ее тут держите? – зазвучал с той же стороны низкий, но чистый женский голос.

– Так, господин Саркатта, госпожа Ульрани… Эту землянку приобрел Свангард Лимраньи. Если у вас есть желание перекупить ее или выяснить что-то еще, лучше обратитесь к нему лично.

Я почему-то точно знала – этот басистый, грубоватый голос принадлежит инопланетному врачу. Тому самому, что проводил надо мной опыты, заставил мутировать и почти убил. А еще… еще я вдруг вспомнила голос второго мужчины. Внезапно, словно пришло озарение. Я уже где-то слышала его. Вот только где? «Ну же… давай! Хватайся за мою плазму… Ты можешь! Борись!» – зазвучало в голове. Незнакомец звал, уговаривал, скатывался на мольбы.

Когда это происходило? Я не могла припомнить. Да и фразы выглядели странными, непонятными, почти нелепыми.

Но стоило напрячь память, они снова и снова всплывали. И… больше ничего.

Ни лица говорившего, ни даже силуэта. Лишь тьма и тишина.

– Слушайте! Вы же понимаете – по законам Союза и Мельрании покупка разумных существ запрещена! – Настаивал знакомый незнакомец. Только сейчас в его голосе звенел металл, слышалось раздражение.

На какую-то долю секунды почудилось, что спасение близко – врач замешкался, не ответил сразу, будто соглашался с доводами, сомневался.

Но радовалась я рано.

– Все так, да не так, – наконец возразил врач. – Милана – не гражданка Союза. Она – человечка из далекого прошлого, бывшая гражданка России. Этой страны больше не существует. Юридически Милана никто, и прав у нее нет. Земной исследовательский центр продал ее нам, а мы – Свангарду Лимраньи.

– Слушай, дорогой, ты ведь знаешь, что Лилитанна курирует почти все крупные больницы Мельрании, – как-то слишком ласково произнесла женщина.

– Госпожа Ульрани Саркатта. Я убедительно прошу вас сохранять благоразумие. Господин Свангард и его семья в последнее столетье объединились с семейством Рорри. Саркатта – один из самых влиятельных кланов на планете, да и в Союзе тоже. Но и Лимраньи сейчас не менее могущественны. Может не стоит пороть горячку? – от медоточивых интонаций медика за версту разило неискренностью, подхалимством.

– Пойдем, Врастгард, – попросила женщина. – У нас есть другие дела.

– Я не позволю увезти ее в рабство! – вспылил мужчина, и мне почему-то стало ужасно приятно, что он так печется обо мне. Внутри разливалось тепло, сердце застучало быстрее. Хотя я понятия не имела – кто этот Врастгард, как он выглядит и зачем вообще вступился за бесправную гражданку несуществующей больше страны…

– Врастгард … сейчас мы ничего не сделаем. Ты ведь знаешь. Давай пообщаемся со Свангардом. В конце концов, есть Черные бои, – убеждала женщина.

– Господин Саркатта. Госпожа Ульрани Саркатта – одна из самых мудрых мельранок, когда не водит транспорт.

Мне почудилось или в голосе врача промелькнула ирония?

Ответа не последовало. Лишь несколько странных звуков, похожих то ли на сдержанные ругательства, то ли на нечленораздельные возгласы долетели до меня словно очень издалека. Голоса стихли, будто кто-то выключил звук на самом интересном месте фильма. Я спрыгнула с кушетки, обогнула «аквариумы» и коснулась рукой гладкой голубой стены, без единого стыка. Теплая… и пол тоже. Он приятно грел босые ступни.

Казалось, комната отлита из монолитного куска неведомого материала. Он напоминал пластик, но выглядел слишком прочным, слишком благородным и от каждого касания все сильнее нагревался. Интересно, а вспыхнуть он может?

Внезапно в голове помутилось, перед глазами словно взорвался фейерверк. Я поспешно схватилась на один из аквариумов, но пальцы скользнули вниз. Колени подогнулись, и я торопливо прислонилась к прохладной поверхности сосуда.

«Я не хочу, чтобы ее продавали, как вещь!»

«Сын, ты принимаешь судьбу этой девушки слишком близко к сердцу. Успокойся, мы что-нибудь придумаем. Я тоже против таких методов. Ты ведь помнишь историю Мелинды и Дара».

«Мама! Я не могу позволить увезти ее к Свангарду, оплодотворить без согласия!»

Голоса гремели, отзывались пульсацией в висках, и откуда-то изнутри бурным потоком хлынули эмоции.

Возмущение клокотало в горле, сердце бешено колотилось, голова раскалывалась, кулаки непроизвольно сжимались и разжимались. Я едва могла вдохнуть. Никогда прежде не доводилось ощущать ничего даже отдаленного похожего.

Но уже спустя считанные секунды меня накрыла тишина. Казалось – только что находилась посреди галдящей толпы, и вдруг все пропало, или я оглохла.

Я прикрыла глаза, восстанавливая дыхание, и вдруг эмоции взорвались снова. Теперь уже не чужие – мои, собственные.

Боже! Меня продали, как вещь! Так ведь сказал Врастгард. Я в западне! И никто не поможет. Этот Свангард какой-то очень влиятельный инопланетник. С ним боятся связываться, не хотят ссориться. Я уснула на сотни лет, чтобы проснуться… бесправной рабыней? Инкубатором для чужих детей? А потом? Кто знает! Может, меня и вовсе убьют или будут насиловать изо дня в день или еще что? Чего ждать от жизни существу, у которого больше нет ни гражданства, ни прав, ни защитников? Даже Врастгард или как его там, ушел, сдался под весом аргументов врача.

Паника стянула горло тугой петлей, шею свело, адская боль выстрелила из основания черепа к вискам и лбу.

Я суматошно глотала воздух, не в силах пошевелиться, выдавить хотя бы звук. Казалось – все, жизнь кончена.

И это ощущение выглядело таким странным, таким непривычным.

Я ведь никогда не унывала. Одиночество, уход отца, смерть мамы от затяжной болезни, предательство друзей – никто не ломало меня, не вгоняло в депрессию. Никогда прежде я не теряла самообладания, веры в лучшее. И вдруг… Что же это такое?

Я замотала головой, словно пыталась вытрясти оттуда ненужные мысли, успокоиться.

Медленно поднялась, выпрямилась, развела плечи.

Что ж! Они считают меня бесправной? Я докажу, что это не так! Они продали меня, как вещь?! Берегись Свангард Лимраньи, как бы тебе не пожалеть о новом приобретении!

Но кто же ты такой, Врастгард Саркатта и почему так меня отстаивал?

Почему даже сейчас я все еще слышу твой голос и твой призыв: «Не сдавайся! Ты можешь! Ты должна выжить!»

Глава 1. Врастгард (Рас)

Я ехал из исследовательского центра в таком бешенстве, что даже кульбиты Эймердины уже не забавляли.

Обычно я с удовольствием наблюдал, как шарахались от нас стаи птиц, оставались на лобовом стекле тетушкиного автомобиля-истребителя сбитые жуки. Как ахали и охали пешеходы в центре города, следя за нами расширившимися глазами. А машина то взмывала в небо свечкой, то закручивалась спиралью, огибая небоскребы, то ухала в арки, то вливалась в поток небесных трасс.

Я едва сдерживал хохот, когда соседние авто разлетались врассыпную, в красках представлял ошарашенные лица водителей. Уж я-то знал наверняка – Эймердина вырулит в любом случае, из любого положения. Она еще ни разу не попадала в аварию.

И вот сейчас я слышал только собственный сумасшедший пульс в ушах, чувствовал лишь как сжимаются от ярости кулаки, взрывается голова.

Хотелось вернуться в исследовательский центр и разнести там все в пух и прах.

Я и сам не понимал – почему судьба той девушки так беспокоила, так волновала. Почему она сама так волновала меня.

Я хранил в памяти каждую секунду нашего общения. Вернее, даже не общения, наблюдения за Миланой, ведь она была в коме.

Бабушка Лилитанна в очередной раз привела нас с Даром в новую больницу для экспериментальных методов лечения. Здесь лежали самые тяжелые пациенты, а мы старались ежегодно использовать способности – сразу, как только накапливалась аурная плазма.

Дар задержался в реанимации травматологии, а меня ноги сами принесли в исследовательское отделение. Юнджиан, местный главврач принял меня с распростертыми объятиями, впустил в палату, где лежали существа, чья кома затянулась на многие десятилетья, на века. Они не умирали, даже без аппаратов для искусственной жизни, но и в себя не приходили тоже.

И там я сразу увидел ее… Единственную из всех. Остальных я просто не заметил.

В огромном цилиндрическом аквариуме от пола до потолка, словно русалка, застыла и лишь слегка подергивала руками и ногами прелестная обнаженная женщина. Детские черты и янтарные волосы ее чем-то напомнили маму. Крутые бедра и пышная грудь заставили меня желать прикоснуться, провести рукой. Стало жарко, в паху потяжелело, скрутило спазмом. Она была без сознания, то ли спала, то ли еще что. А я… я…

Мне почему-то стало ужасно неловко за реакцию собственного тела, словно я не отреагировал как любой нормальный мужчина на соблазнительную русалку.

А потом… потом Юнджиан рассказал, что она умирает, вместе с сотнями других подопытных, которым пытались изменить ДНК. Мельранские эскулапы вместе с учеными других продвинутых цивилизаций заигрались в богов, едва поняли, что мы и земляне – родственные расы. Власти Земли подыграли им тоже. Отдали смертников, списанных из-за десятков, сотен лет в коме, как подопытных животных. Содержать их в больницах стало дорого, родственников давно не осталось в живых, и заплатить за бедолаг было некому. Моя русалка оказалась одной из них.

Когда я увидел, как обмякает ее тело, бледнеет лицо, синеют ногти, аурная плазма вспыхнула сама собой. И я накрыл ее, попытался воскресить.

Вначале ничего не выходило. Наши силы не работают на каждом встречном. Нужно, чтобы он жаждал выжить, тянулся к нам и брал энергию, плазму, впитывал их как губку.

Русалку слишком измотали безумные эксперименты, ее сознание давно находилось где-то не здесь… Но я до нее достучался. Казалось, все внутри меня требовало, чтобы эта девушка боролась, жила, приняла аурный огонь. И… случилось чудо. Она вышла из комы, выкарабкалась и уснула.

И я ушел, свято веря, что мы встретимся при более приятных обстоятельствах. А когда вернулся, услышал эти отвратительные новости.

Мне снова захотелось разнести больницу ко всем чертям! В горле пересохло, противно саднило, кулаки сжимались сильнее, ногти больно царапали кожу.

– Рас! Ну-ка прекрати! – осадила меня Эймердина.

Сверкнула голубыми глазами, похожими на два аквамарина и наморщила длинный нос. В свете тетушку считали странной. Но многие ценили ее утонченную красоту и удивительную россыпь веснушек на мочках ушей и лбу.

Я фыркнул, стиснул челюсти, и Эймердина хмыкнула, демонстративно оправляя розовую кружевную блузку. При этом она совершенно спокойно бросила руль. Машина камнем ухнула вниз. Тетушка нарочито неторопливо стряхнула несуществующие пылинки с черных брюк, а у меня перехватило дыхание. Я знал наверняка, проверял не раз и не два – нет такой дорожной ситуации, из которой бы не вырулила Эймердина. Но инстинкт самосохранения и не думал соглашаться, буквально вопил о том, что мы падаем, падаем, падаем.

Мы подлетели к земле так близко, что макушки прохожих замаячили под машиной. Разодетые в пух и прах мельранцы на улицах столицы бросились врассыпную.

– А-ай! – вскрикнула черноволосая женщина с таким количеством серебряных заколок в волосах, словно это и не прическа вовсе, а витрина ювелирного магазина.

– Ничего себе! – прокомментировал молодой парень, с мощной борцовской шеей и даже рот приоткрыл.

У меня в ушах застучали молоточки. Я схватился за ремень безопасности, как будто это что-то давало, стиснул зубы и молчал.

Эймердина вернула себе руль, и машина взмыла вверх ракетой. Меня вжало в сиденье так, что спина буквально прилипла к креслу, пошевелить головой не получалось.

На несколько минут сердце ушло в пятки. Впереди замаячили три больших машины – сворачивали с воздушной трассы к ресторану. Мы проскочили перед самыми их носами. Надо было видеть глаза водителя длинного черного авто. Казалось, они вот-вот вывалятся из орбит.

Эймердина газанула сильнее, и мы разминулись на какие-то миллиметры. Зигзагом обогнули небоскреб, пронеслись над крышей и пулей вонзились в небесное шоссе.

Когда машина пристроилась в крайний ряд, и мое дыхание немного выровнялось, Эймердина невозмутимо спросила:

– Успокоился? Можешь нормально мыслить?

Я кивнул, чувствуя, что душа еще не готова выйти из пяток, и вместе с сердцем ожидает там очередных сумасшедших виражей.

– Тогда поехали к Ласилевсу. Он должен знать, что творится в этих исследовательских центрах.

Я внимательно посмотрел на Эймердину. Один из ведущих гинекологов Мельрании, глава отделения в пятой больнице, пытался ухаживать за тетушкой уже не первый десяток лет. Такого упорства от мужчины я еще не встречал. Иногда казалось, что Эймердина к нему неравнодушна, больше того – благосклонна. Вот как сейчас. Ведь тетушка не поехала ни к Блассарту – главврачу крупнейшей мельранской больницы, ни к бабушке – она и, правда, имела огромное влияние на наших медиков.

И все же, первым делом Эймердина направилась к Ласилевсу. Но всякий раз, когда врач пытался пригласить тетушку на свидание, или хотя бы на светский раут, Эймердина находила миллион предлогов для отказа.

Мама считала, что тетушка боится очередного обмана, страшится поверить мужчине вновь. Ведь однажды она уже обожглась, и горе-жених ославил Эймердину на весь высший свет.

Тетушка стремительно перестроилась, заставив водителей справа и сзади изрядно понервничать. Их авто истерично задергались взад-вперед.

Я и впрямь немного успокоился. Злость еще кипела внутри, но уничтожать всех и вся уже не хотелось. Эймердина очень вовремя меня переключила. Эмоции плазменных индиго порой непредсказуемы, неуправляемы как стихия. Мама до сих пор временами выходит из себя и не может зайти часами. Отец говорит – раньше было еще хуже. Теперь госпоже Елиссе Саркатта стало легче, рядом с папой.

Мои эмоции сродни вулкану. То спят мертвецким сном, то взрываются так, что самому страшно. А вот Эймердина всегда легко справлялась с «нервами» благодаря невероятным воздушным виражам.

Строгие темные столичные здания остались далеко позади, и мы рванули на окраину города. Пушистый ковер лесных крон оборвался, сменился морем золотистых луговых колосьев, и впереди замаячило здание больницы. Огромный оранжевый купол с затемненными окнами на всех этажах.

Эймердина пошла на снижение, и машина резко ухнула вниз. Я привычно ощутил невесомость, и не сдержал облегченного вздоха, едва колеса коснулись твердой опоры.

Эймердина бодро выскочила наружу, и я поспешил за ней.

Когда на тетушку нападало такое решительное настроение, она могла разрушить замок, взорвать мост и перебить небольшую армию.

Эймердина стремительно зашагала вперед, к невысокой ажурной больничной ограде из серебристого металла. За ней открывался уютный дворик, с желтыми деревянными скамейками, раскидистыми деревьями и даже детским уголком, для самых маленьких пациентов. Качели со звериными мордами на боках, горки-драконы, турники, канатные паутины для лазанья… В часы прогулок эта часть парка оживала по-особенному. Ребятишки забывали о болезнях и травмах, и вокруг разносился звонкий смех, задорная перекличка и восторженное визжание.

Сейчас время приближалось к двум дня, «тихому часу», и парк пустовал. Легкий ветерок гулял в кронах деревьев и по клумбам, окутывая нас приторно-сладкими цветочными запахами. Навязчиво стрекотали на пестрых клумбах кузнечики.

Эймердина притормозила возле одной из скамеек и активировала кольцо-телефон. Быстро набрала на виртуальной клавиатуре сообщение – ее пальцы прямо-таки летали – и принялась нарезать круги вокруг скамейки. Ждать энергичная тетушка не любила, предпочитая этому любую активность, даже если она не приносила заметного результата. Но чаще всего Эймердина коротала «тревожное время» за своим новым любимым увлечением – участвовала в Черных боях.

У меня же внутри вновь нарастала ярость, круто замешанная на бессилии.

Кулаки непроизвольно сжались, зубы скрипнули. Захотелось придушить Свангарда. Вот прямо сейчас, собственными руками! И пускай потом его родственники вызывают меня на поединок. В своей силе и ловкости я никогда не сомневался.

Эймердина остановилась – также внезапно, как стартанула вокруг скамейки и положила руку мне на плечо. Ее голубой взгляд успокаивал.

– Рас… Перестань. Или сядем в машину и сделаем пару витков над больницей.

– Ага! Я уже сообщил травматологам! – бодрый голос Ласилевса свидетельствовал о том, что он еще не в курсе причин нашего визита.

Один из первых светских красавцев, завидный жених, черноволосый врач рядом с Эймердиной вытянулся по струнке, словно пытался казаться еще

внушительней. Сказать по правде – отец, да и мы с Даром были выше Ласилевса на пол головы и заметно шире в плечах. Но среди большинства мельранцев врач выглядел крупным и крепким.

– Что-то случилось? – спросил он, заметив выражение наших лиц.

– Садись! – скомандовала тетушка, и Ласилевс как стоял, так и сел – то ли от удивления, то ли от неожиданности. В «плохие дни» Эймердина ни с кем не церемонилась, а с мужчинами общалась как главнокомандующий с низшими чинами.

И кто бы мог подумать, что Ласилевс, в чьем отделении врачи и медсестры ходили по струнке, рапортовали как солдаты на плацу, позволит тетушке так верховодить собой! Он очень редко противоречил Эймердине. И, наверное, зря. Может поэтому тетушка и не принимала ухаживания врача всерьез. Хотя, насколько я слышал, они не раз встречались в каком-то отеле. Эймердина признавалась маме, что любовник из Ласилевса отличный, и ее вполне устраивают отношения «без обязательств». Но мне почему-то казалось – тетушка очень хочет большего. Только боится довериться мужчине снова, и никак не может себя пересилить.

– Что ты знаешь про исследования Юнджиана? – в лоб спросила Эймердина, присаживаясь рядом с Ласилевсом.

Тот восхищенно посмотрел на тетушку и пожал плечами:

– Не очень много. Вроде бы спонсировал его Свангард Лимраньи. Вообще тема скользкая. Во врачебных кругах Мельрании, и даже Союза ее стараются обходить стороной. Вроде бы земляне продали Юнджиану под сотню пациенток в коме. Тех самых, которых тамошние больницы отключили от аппаратов, когда родственники перестали платить, пропали из виду или умерли. Но ожидаемого эффекта не последовало – бедолаги не погибли и не очнулись. Их много лет держали в разных стационарах, переводя из одного в другой, спихивая то одним коллегам, то другим. А затем надумали ввести какой-то препарат, чтобы «безнадежные» не страдали. По факту от них просто решили избавиться. Юнджиан как-то прослышал про это и предложил выкупить пациентов для своих опытов. Он уже много лет бредит идеей пробудить древние гены мельранцев. Чтобы мы снова начали воскрешать плазмой, как Рас с Даром, общаться

мысленно, стрелять электричеством, как Елисса, ну и все такое. А поскольку за опыты на мельранцах, даже на безнадежных, его просто четвертуют, как древних земных преступников, Юнджиан начал с людей. Результаты были плачевны. Погибли все подопытные, кроме одной. Как ей удалось выжить, не знает никто. Юнджиан держит все в строжайшей тайне. Но Свангард планирует забрать свою собственность, как только вернется на Мельранию. Удобно ж, верно? – почти выплюнул Ласилевс. – Суррогатные матери-индиго сейчас – настоящее спасение для знатных кланов, чьи женщины бесплодны. А таких с каждым годом все больше и больше. Законы Союза слишком неудобны для мельранцев. Суррогатная мать имеет право не отдавать малыша, если докажет, что очень привязалась к ребенку, способна дать ему хорошую жизнь и воспитание. Во время беременности ее нужно содержать так, чтобы не поступало ни малейших жалоб. В общем, почти семьдесят процентов наших детей живет на Земле с родными матерями. Ну и Свангард решил сделать ход конем. И не думайте, что он планирует девушку только для себя! Он давно отбил деньги! Я знаю, как минимум, десять аристократических родов, чьи мужчины стоят в очереди на осеменение подопытной. Возможно, оплодотворять будут сразу несколькими эмбрионами. Мельранцев индиго вынашивают быстрее, чем землян. Где-то за пять месяцев, если беременность протекает легко, как у твоей мамы и за семь, если тяжело, как у Мелинды.

Пока Ласилевс разражался объяснениями, на меня накатил какой-то эмоциональный ступор. Казалось, по голове ударили чем-то тяжелым, я на время потерял ориентиры в пространстве и даже частично сознание. Представить мою русалку в качестве свиноматки для десятков знатных мельранских семей воображение отказывалось. Я чувствовал, как внутри что-то взрывается, понимал, что новый всплеск бешеных эмоций индиго не за горами. Но поделать ничего не мог. Воздух переполнял грудь, и чудилось – вот-вот она разлетится на куски, бешеный пульс ускорялся с каждой минутой.

– Так, Рас! Я ведь просила тебя успокоиться! – раздался словно издалека возглас Эймердины – суровый и осуждающий. – Мы что-нибудь придумаем! Не время психовать! Надо действовать!

Ласилевс встал, покосился на тетушку, на меня и нахмурился, будто что-то обдумывал. Некоторое время врач молчал, глядя куда-то вдаль – неподвижный и будто даже растерянный. Минуты текли лениво, неспешно, словно нарочно накручивали меня. В висках пульсировала кровь, лопатки свело, но в этот момент лицо Ласилевса просияло догадкой.

– Это ты ее воскресил? – упавшим голосом спросил врач.

Меня хватило только на короткий кивок. Ласилевс отвел глаза:

– Не думаю, что это была удачная идея, – сказал в мощеную голубоватую дорожку. – Боюсь, она не скажет тебе спасибо.

В груди забилось сильнее, захотелось срочно кого-нибудь поколотить. Но Эймердина взяла за плечи, встряхнула и прикрикнула:

– Рас! Да возьми же себя в руки! Ты поможешь ей, только если мы будем действовать спокойно, без лишних психозов.

Ласилевс вскинул на нас глаза:

– Ищете способ помочь?

Эймердина кивнула и распорядилась:

– Если знаешь такой – говори!

Врач беспомощно пожал плечами:

– Пока в голову ничего не приходит. Единственное, что я могу сделать сразу – попросить у медицинского совета дообследовать девушку, прежде чем отдавать ее Свангарду. Прежде чем вообще выпускать в свободную жизнь. Если ее можно так назвать в этом случае.

– Дообследовать? – бездумно повторил я.

Ласилевс хитро прищурился:

– Девушка из далекого прошлого. Ведь так?

Мы с Эймердиной одновременно кивнули, как заводные куклы. Ласилевс продолжил:

– Пока Милана лежала в коме, ее содержали в специальной капсуле, лечили в медицинском аквариуме. Кто знает – какую заразу из прошлого Земли она может нам принести? Люди победили за это время уйму болячек! Причем, многие из них смертельны при плохом лечении. А какое мы можем оказать лечение, если и думать про такие болезни забыли? Некоторые вирусы и бактерии поражают мельранцев тоже. Я могу немедленно сообщить в медицинский совет о том, что настоятельно рекомендую дообследовать подопытную. Гарантирую, ее продержат в исследовательском центре не меньше трех месяцев.

Почудилось – за спиной выросли крылья, улыбка напросилась на губы. Эймердина изогнула бровь и смерила Ласилевса недоверчивым взглядом. Врач хмыкнул, горделиво вскинул голову:

– Я не первый год работаю в нашей медицине. И могу гарантировать то, что знаю наверняка! – Сказал с нажимом, с металлом в голосе. Недоверие тетушки явно задело его за живое. Эймердина и бровью не повела, спросила только:

– Когда мы узнаем результаты твоего обращения?

Ласилевс еще раз хмыкнул, криво улыбнулся и активировал зеленый перстень с мини-компьютером.

На виртуальной клавиатуре он набирал еще быстрее, чем Эймердина, и тетушка восхищенно улыбнулась.

Ласилевс заметил это краем глаза, и его собственная улыбка стала теплее.

Кольцо-компьютер мигнуло зеленым – сообщение ушло. Ласилевс поднял руку и начал отсчитывать:

– Раз, два, три, четыре, пять… На сообщения о возможной пандемии они отвечают в течение десяти секунд… Паникеры те еще. Есть специальный протокол по поводу таких ситуаций. Любой дежурный активирует его в мгновение ока.

Эймердина переводила с меня на Ласилевса встревоженный взгляд – все еще не верила.

Но едва врач досчитал до десяти, из кольца выстрелила эсэмеска.

«Вы правы. Мы запретили Юнджиану выпускать подопытную из исследовательского центра, пока не будут проведены соответствующие исследования. Также мы обратились в медицинские архивы Земли. В течение трех месяцев они переправят все данные о побежденных за время комы пациентки инфекциях. Кроме того, мы запросили полные сведения о том, чем болела сама девушка, ее родственники, друзья и соседи. Если у подопытной обнаружится какая-то из старых инфекций, Земля обещала найти формулу лекарства и выслать ее нам. В течение ближайших четырех месяцев подопытная будет находиться в исследовательском центре. Ее переведут из лабораторного комплекса в карантинный, при седьмой планетарной больнице. Поселят вместе с малоизученными расами и мельранцами, с малоизученными заболеваниями. На подопытную наденут кольцо или браслет с генератором силового поля. Оно уничтожает вирусы, бактерии, паразитов и нейтрализует вредное излучение. Так девушку смогут навещать те, кто в ней заинтересован. И так подопытная сможет ограниченно передвигаться по Мельрании, чтобы немного свыкнуться с нашей жизнью и планетой. Если повезет, генератор поля встроят прямо в кольцо-компьютер».

Мне захотелось запрыгать от восторга и выпустить наружу победный вопль.

Эймердина удивленно посмотрела на Ласилевса.

– Я никогда ничего не обещаю просто так, – немного резко произнес врач. – Если сказал, что сделаю, значит сделаю. Сейчас свяжусь с исследовательским центром и обеспечу вам допуск к подопытной. Раз Врастгард воскресил ее, значит, имеет право познакомиться и хотя бы узнать – кто она такая.

Кажется, моя улыбка демонстрировала все зубы.

Плевать! Ласилевс понимающе кивнул, метнул в Эймердину обиженный взгляд, прищурился и спросил:

– Ты хотела что-то еще?

– Когда Врастгард узнает – как можно посещать девушку? – строго уточнила тетушка, словно не поняла вопроса врача, его прозрачного намека.

– Я скину вам информацию через полчаса или час, – процедил сквозь зубы Ласилевс, и скулы его заострились. Врач немного подождал, не сводя с Эймердины внимательного черного взгляда, словно надеялся, что она сменит гнев на милость. Но тетушка осталась непреклонной.

– Я напишу тебе о времени встречи в отеле Калливар, – небрежно бросила она Ласилевсу, крутанулась на каблуках и стремительно зашагала к машине.

– Большое спасибо, – поблагодарил я бледного врача – щеки его резко втянулись, желваки заходили ходуном. – И мой тебе совет, – вырвалось у меня. – Ты слишком с ней мягок. Попытайся действовать настойчивей, прояви характер.

Ласилевс тяжело вздохнул и проводил Эймердину таким взглядом, каким отец всегда смотрел на маму, отправляясь в далекие командировки.

– Эйми любит, когда мужчины действуют решительно, – добавил я. – Возможно, она не верит в твердость твоих намерений. Вспомни, как ее обманули!

–Ты знаешь правду? Не то, что пишет официальная пресса? Не то, о чем болтают сплетники галанета? Все эти глупости будто бы она сняла видео и прочее? Ты в курсе, что произошло между ними на самом деле? – Ласилевс вскинул брови – в глазах его читалась просьба.

Я кивнул, хотел вкратце обрисовать ту некрасивую ситуацию, но сзади послышался недовольный оклик тетушки:

– Рас! Мы улетаем! Есть еще дело!

Я развернулся и обнаружил, что Эймердина уже сидит в своем летающем аттракционе. Душа начала потихоньку перебираться в пятки, призывая сердце последовать ее примеру. Я кивнул Ласилевсу снова, и поспешил к тетушке.

Судя по решительному выражению ее лица, Эймердина затеяла что-то намного опасней, чем фигуры высшего пилотажа. А судя по сверкающему взгляду –

остановить ее могло уже только снотворное. И то ненадолго.

Я выдохнул, смирился с грядущим, каким бы оно ни было, и сел в машину. Мы взмыли над оградой, и десятки посвистов из окон свидетельствовали о том, что многие пациенты вдохновились зрелищем. Может даже мы вывели кого-то из комы? Или поставили паралитика на ноги?

Эймердина газанула. Меня вжало в сидение, и машина рванула под облака.

– Нам нужно успокоиться, – сквозь зубы процедила тетушка и сверкнула глазами так, что стало ясно – на сей раз десятками сбитых жуков и перемешанными органами в моем теле не обойдется. Эймердина вошла в раж, пустилась во все тяжкие. Спасайся, кто может, а кто не может – просто пристегнись и наслаждайся. Что я и сделал.

Глава 2. Милана

На некоторое время меня окружила напряженная тишина. Я чувствовала себя в ловушке и в ужасе ожидала, что же дальше. И «дальше» не замедлило случиться.

В потолке открылся люк и на круглой синей платформе в комнату спустился черноволосый великан. Я сказала бы человек, но что-то в нем определенно было не так.

Грубовато выточенное, мужественное лицо, с очень мощным подбородком и кустистые, окладистые брови сразу привлекали внимание. Как и кожа – настолько светлая, румяная, гладкая, что определить возраст незнакомца не представлялось возможным.

Фигура его выглядела подтянутой, спортивной и более чем внушительной. Я едва доставала мужчине до груди.

Незнакомец неторопливо сошел с платформы. Тонкий синий кружок так и завис в полуметре от пола, словно на воздушной подушке или на антигравитаторе.

Мужчина осмотрел меня с ног до головы – внимательно, придирчиво, деловито. Только теперь я сообразила, что совершенно голая. Жгучий стыд жаром разлился по щекам, захотелось провалиться сквозь землю, прикрыться. Но дергаться особого смысла не имело – похоже, все, что нужно мужчина уже разглядел.

И не успела я прикинуть – что предпринять, удариться в панику, как с потолка спустилась еще одна платформа. На ней предельно выпрямился хмурый Юнджиан, мой врач и убийца. Я совершенно не помнила ни жилистую фигуру медика, ни глаза нереального фиолетового цвета, ни узкое лицо с острым носом и ямочкой на подбородке. Но почему-то сразу узнала его. Врач нахмурился и спрятал руки в карманы желтоватого халата. И почему-то даже он показался до боли знакомым. Словно я воспринимала что-то в коме, наступали секунды просветления – я видела, слышала, обоняла, и сразу же забывала.

Черноволосый великан обернулся к Юнджиану и что-то резко спросил на незнакомом мне языке. Врач беспомощно пожал плечами и ответил на том же наречье.

Хм… Очень странно… Еще недавно я отлично понимала местных.

Ах, нет! Это другой язык! Более мелодичный, певучий, с короткими, но мягкими словами.

Несколько минут черноволосый великан и Юнджиан переговаривались. Черноволосый все больше раздражался, рубил руками по воздуху, рычал, как дикий зверь. Юнджиан старательно избегал резких интонаций, но иногда и в его голосе звенел металл, проскальзывал гнев. А спустя некоторое время я вдруг начала понимать – слово за словом. Одно, другое, третье, в предложениях и вразнобой. И вскоре смысл диалога стал более-менее понятным.

Какая-то местная медицинская служба запретила моему рабовладельцу – а черноволосый великан оказался тем самым Свангардом Лимраньи – забирать меня. Потребовала дополнительные анализы, исследования. Распорядилась временно перевести «потенциально опасную инопланетницу из прошлого» то ли в другую больницу, то ли в какое-то засекреченное общежитие.

Я нервно сглотнула. Вроде бы новости не могли не радовать.

Как же! Меня не заберут прямо сейчас, не примутся оплодотворять как какое-нибудь животное. Зато явно куда-то запрут, и придется неведомое время провести в ловушке. Терпеливо ждать, пока здешние медицинские светила не позволят покинуть ее и переехать в другую – к Свангарду в лапы.

Перспектива вырисовывалась хуже некуда. Внутри бурлили сильные эмоции – страх, паника загнанного в угол зверя, ярость на то, что превратилась в бесправное существо. Как будто я не человек, не свободная женщина – так, игрушка, вещь. В висках пульсировала кровь, пульс ускорялся с каждой секундой.

Свангард угрожал, что обратится в правительство, потребует соблюдения его прав, как моего покупателя. Подумать только! Покупателя живого, дышащего человека! Юнджиан просил Лимраньи успокоиться, убеждал не пороть горячку. Медицинская ассоциация Галактического союза всерьез опасалась пандемии, а в этом случае Свангарду не помогли бы ни связи, ни деньги, ни статус.

Лимранья рявкал что-то про Черные бои, про справедливость, про то, что решит все иначе, а мне становилось все страшнее.

Чудилось – вот прямо сейчас он меня скрутит и выволочет за волосы, не обращая внимания ни на какие медицинские ассоциации.

Мне все труднее удавалось держать себя в руках, горло словно стянула петля, ледяные волны прокатывались вдоль позвоночника. Но в этот момент в разговоре мужчин промелькнуло одно, хоть немного обнадеживающее сообщение.

Меня не будут держать строго взаперти, позволят покидать «общежитие» и даже гулять по планете. Но Свангард сможет навестить «покупку» и забрать в полное свое распоряжение только через четыре месяца.

Пока же на меня наденут специальное кольцо, и тот самый Рас, что требовал освободить гражданку несуществующей больше страны, начнет обучать жизни в будущем. Лимранью взбесило, что Расу разрешили общаться со мной, а ему, великому Свангарду – нет. Объяснение я не совсем поняла, уловила лишь

отчасти. Кажется, Рас – не простой мельранец. Он полукровка, наполовину индиго, да еще какой-то особенный, плазменный, очень редкий вид. Вот почему он не рискует заразиться от меня чем-то ужасным, разнести страшную болячку по всей планете. А еще… еще… именно он оживил меня, когда умирала.

В голове все перемешалось, перед глазами поплыли розовые пятна. Я вдруг отчетливо увидела его – Раса, Врастгарда Саркатта. Золотистые, белокурые волосы, собранные в тугую косу, мужественное, красиво выточенное лицо. Гораздо более пропорциональное, чем у Свангарда. Удивительные ямочки на щеках и тело Геракла. А еще… еще глаза – синие, как море.

Мы стояли совсем близко, или не стояли, скорее плыли в розовом мареве. Оно вспыхивало, погасало, лизало тело и почему-то мне стало так хорошо, как еще никогда за всю жизнь. Я смотрела в синие глаза Раса, – и чудилось, мы знаем друг друга лет сто. Время замедлилось, и все вокруг казалось неважным. А потом Рас закричал. Он требовал, умолял, уговаривал, как неразумного ребенка. Низкий, мелодичный мужской голос лился, словно очень издалека:

– Ну, давай же! Ты можешь! Хватайся за плазму! Ты должна жить! Ты можешь выжить! Только пожелай этого! Ну, же! Не смей сдаваться… моя русалка.

Я помню, что старалась ответить, но слова не шли с языка, горло саднило, изо рта вырывался только хрип.

Вскоре все исчезло, и меня поглотил сон.

Я видела поля – ковры золотистых колосьев с пестрым узором цветов, леса – непроходимые чащи, надежно укрытые под «навесом» древесных крон.

Космос… странный, неуютный, неживой. Корабли, похожие на серебристые самолеты, зеркала-входы в порталы и космотелепорты, напоминавшие вокзалы моих времен. Виртуальные табло, словно фантомные изображения в воздухе, только трехмерные, как в 3Д кино.

Казалось, именно тогда информация о новом мире и залилась мне в голову.

Перед глазами все поплыло, голова пошла кругом. Я покачнулась, беспомощно замолотила руками по воздуху, пытаясь за что-нибудь ухватиться, но была поймана кем-то очень сильным. Когда зрение сфокусировалось окончательно, я обнаружила, что вишу на руках у светловолосого мельранца, в синей робе медбрата. Его бледно-стальные глаза казались выцветшими, и временами свет ложился на них так, что радужка сливалась с белком, как у мертвеца.

Медбрат положил меня на кушетку и всучил одежду, источавшую слабый фиалковый аромат.

– Приведите себя в порядок, и поедем в общежитие, – сообщил очень ровно, почти без интонаций. Крутанулся на пятках и встал ко мне спиной.

Юнджиана и Свангарда даже след простыл. И, слава богу! Мне до ужаса хотелось выцарапать обоим глаза, а потом самих оплодотворить. Желательно не один раз!

Должны же в будущем создать какие-то сверхтехнологии?!

Тем более, я находилась на самой продвинутой, самой загадочной и самой развитой планете союза – великолепной Мельрании, как называли ее иногда.

Белье село как влитое, розовое платье, чуть ниже колен, из приятной, шелковистой ткани – тоже.

Я заметила, что возле кушетки стоят розовые кожаные сандалии. Они тоже оказались точно в пору.

– Готова? – бросил через плечо медбрат.

Я кивнула, хотела ответить, но парень, похоже, краем глаза уловил жест.

Хм… а у этих мельранцев удивительно широкий обзор!

И не успела я толком удивиться, медбрат затянул на платформу. Та беззвучно поднялась, и мы очутились в светлом круглом холле. Не знай я, что это больница, решила бы – планетарий или консерватория.

Вокруг сновали мельранцы – медсестры, врачи, санитары в синей и желтоватой униформе. Палаты располагались по периметру, а в центре зала, вполоборота ко мне, растянулся от пола до потолка виртуальный экран. На нем показывали фильм. Вначале подумалось – без звука, что-то вроде ретро, немого кино.

И лишь позже я сообразила. Какое-то чуднОе оборудование поглощало здесь все запахи и звуки. Я не чувствовала ничего. Даже слабый запах моего тела, аромат цветочной отдушки от новой одежды – и те исчезли.

Медбрат потянул меня в сторону, и мы вошли в громадную лифтовую кабинку. Здесь легко разместились бы человек сто, и устроились бы с комфортом – по периметру кабинки выстроились пухлые черные кресла с мягкой тканой обивкой.

Лифт закрылся, и почудилось – мы встали, «застряли», как говорили в мои времена. Но едва собралась спросить об этом у спутника, двери распахнулись, и он вывел меня в круглый холл первого этажа. Здесь было пусто, как в склепе. Ни регистратуры, ни медперсонала, ни звуков, ни запахов. Ни-че-го. Только белые стены, сводчатый потолок, похожий на храмовый, да звенящая тишина.

Пока я, разинув рот, пораженно оглядывалась, спутник снова потянул в сторону и… перед нами распахнулись двери. Также резко они и закрылись, и мы очутились на пятачке замкнутого пространства. Под потолком замигали мелкие разноцветные лампочки. Медбрат замер, будто превратился в статую, а я внутренне сжалась в предвкушении.

Воображение рисовало город будущего – что-то вроде Земли из фильма «Пятый элемент». Тут его, наверное, уже и не помнят. Толпы машин в небе, похожие на рой насекомых, причудливых форм здания, мосты на высоте птичьего полета, виртуальные экраны и витрины повсюду.

Но когда двери открылись, я едва сдержала удивленный возглас.

Передо мной раскинулся ухоженный больничный парк, а дальше, за ажурной черной оградой, насколько хватало глаз, простиралось поле.

Солнце весело сияло в безоблачном синем небе. Птицы восторженно щебетали в ветвях аккуратно подстриженных деревьев. Бабочки танцевали в воздухе,

медленно опускаясь на широкие скамейки и большие, пушистые цветы на идеально круглых клумбах.

Мне стало очень не по себе. Казалось, весь мир радовался безвыходности моей ситуации. Обнадеживало лишь одно. Рас, тот самый Рас, который вернул меня к жизни, должен навещать в «общежитии». И, быть может, он сумеет меня выручить?

И вот стоило мне подумать о Расе, как почудилось – в руках проскользнули разряды, слегка укололи кончики пальцев. Совсем не больно, скорее щекотно. Я с удивлением посмотрела на собственные ладони. Неужели нервы так расшалились, что их электрические импульсы выстреливают наружу? Истеричный смешок вырвался из горла. Медбрат обернулся, и я пожала плечами. Словно говорила: а чего вы хотите от гостьи из прошлого, гражданки несуществующей страны, и вообще рабыни-инкубатора? Парень невозмутимо отвернулся, не проронив ни слова. Наверное, согласился с моими аргументами.

Паника и ужас перед грядущим отпускали – медленно, но верно. В душе ни с того, ни с сего поселилась надежда. Я вдруг почувствовала, как странные волны пробежали по телу, накрыли с головой. Медбрат посмотрел на свою руку, обернулся – и все пропало.

В лицо пахнуло медовым нектаром, и в небе появилась большая черная машина. Ну, хоть что-то здесь напоминало мои фантазии о будущем! Летающий транспорт, как он есть!

Машина приблизилась так быстро, что я только ахнула. Двери распахнулись, и медбрат подсадил меня в просторный светлый салон.

От водительской кабины нас отделяла полупрозрачная перегородка. Но даже сквозь нее было видно, что там совершенно пусто. Машина управлялась автопилотом.

Я глубоко вдохнула и снова представила, что вот прямо сейчас увижу город и даже мир будущего…

И… опять ошиблась.

Внизу простиралась нетронутая цивилизацией природа. Леса, горы, равнины и реки выглядели так, словно их никогда не вырубали, не покоряли, не вспахивали и не облагораживали.

Между ними то тут, то там попадались настоящие поместья аристократов. Словно я угодила не в инопланетное будущее, а в земное прошлое.

Только особняки казались слишком идеальными, красивыми, почти игрушечными.

Временами под нами мелькали добротные аскетичные коттеджи с яркими черепичными крышами, видимо, для менее богатых мельранцев.

И вот когда я уже подумала, что ничего другого не увижу, впереди вырос лес темных, лаконичных небоскребов. Здания такой высоты я даже вообразить не могла. Прямо не здания, а божественные колонны от земли до небес!

Между ними разноцветными реками рассекали воздух небесные шоссе.

По сторонам от пестрых потоков машин мерцали едва заметные глазу туманные розоватые линии. Наверное, ограничители.

Все наземные тротуары вместо привычного мне асфальта, булыжников или плитки, покрывал какой-то светло-голубой материал. Казалось, пешеходы гуляют по едва подтаявшему льду.

Город выглядел красиво, почти глянцево, нереально.

Машина прибавила ходу, и все замелькало, как в ускоренной перемотке.

Небоскребы, небесное шоссе, виртуальные рекламные табло, витрины, снова небоскребы и… мы немного замедлились.

Резко свернули и устремились к неожиданно низкому полукруглому зданию. По всей его ярко-оранжевой поверхности сверкали на солнце сотни окон.

Я думала, мы направимся туда, но машина пронеслась по просторному парку, обогнула здание, и взгляду открылась небольшая пристройка. Она походила на несколько шариков мороженого, выложенных прямо на земле в художественном беспорядке.

Машина села, и дверцы распахнулись, впустив в кабину упоительный запах свежескошенной травы и чудесный аромат домашней выпечки.

Медбрат выскочил наружу, подал руку, и я отчетливо осознала – одну меня тут никуда не отпустят, даже в больничный парк. Но я предпочитала соседство этого мельранца, и особенно – компанию Раса, обществу Свангарда и, уж тем более, заточению в особняке клана Лимраньи.

Внезапно пришло удивительное воодушевление. Будто знала наверняка – мы со Свангардом больше не встретимся. А если и встретимся, то не как собственность с хозяином, рабыня с господином – как равная с равным.

Я замерла на мощеной оранжевой плиткой дорожке, потому что в голове замелькали образы, видения, картинки… Не знаю, как правильней назвать.

Вот счастливый Рас бежит навстречу. Он улыбается, что-то кричит, а я понимаю лишь одно – впереди свобода, новая жизнь и… безоблачное будущее.

Но следом мир заполняет чернота – глухая, холодная, безнадежная. Я нахожусь в ловушке, словно в мешке.

А потом… потом… перед глазами мелькают странные мельранцы или не мельранцы. Нечто среднее между мельранцами и людьми. Иссушенные, как после долгой болезни, с тоскливыми лицами, надеждой в запавших глазах. Их взгляды требуют, просят, молят. Я хочу… очень хочу помочь. Но не в силах ничего сделать. Беспомощность тисками сдавливает грудь, сердце сжимается от жалости.

Меня вновь накрывают странные волны. Будто где-то рядом источник очень громкой музыки, и тело вибрирует, улавливая ритм, подстраивается под него и резонирует.

А еще я постоянно возвращаюсь в просторную светло-зеленую комнату, с трехмерными обоями на стенах. Почему-то я точно знаю – эти рощицы с изящными деревцами и пушистым травяным ковром – лишь изображения. Как и мохнатые черные зверушки, похожие на очень больших белок. Они лихо скачут по веткам, спрыгивают на землю, суматошно что-то закапывают и снова прячутся в кронах. Стрелы солнечных лучей пронзают резные спинки громадной кровати, неподалеку от окна, и расплываются ослепительными шариками. Большой стол, выполненный в той же манере, высится посреди комнаты, и солнечные зайчики играют на нем в догонялки, испещряя белоснежный пластик желтыми пятнами.

Ленты лучей расчерчивают пол широкими полосами и упираются в дверь. Дверь… дверь… Она приближается, удаляется, маячит перед внутренним взором.

И сменяется рыжим семейством. Красивая молодая женщина, на вид не старше тридцати, с утонченными чертами лица – детскими, но не кукольными обнимает трех взрослых детей. Двух крепких мужчин с волосами цвета спелой ржи, чем-то похожих на Раса, и девушку, почти точную копию мамы.

Они что-то говорят, улыбаются, а затем вдруг вспыхивают розовым заревом, как Рас в моих воспоминаниях. Оно поднимается ввысь, словно причудливый фантомный костер с рыжим семейством внутри, тянется лепестками к небу и опадает, исчезая в мгновение ока.

Не знаю, как надолго выпала я из реальности. Только кто-то настойчиво встряхнул за плечи, и видения исчезли.

Мы с медбратом по-прежнему стояли неподалеку от пристройки. Сильно запахло вишневым пирогом, шашлыком, мятным чаем. Я невольно сглотнула, голодный желудок сжался и заурчал.

Медбрат усмехнулся и потянул меня в здание.

– Устроишься, вот тогда и покормим, – деловито сообщил он.

…

Рас

Едва машина пронеслась над косматыми лесными кронами, вырулила к полю, я понял – куда мы держим путь. Сюда тетушка летала регулярно, как только вспоминала самую большую свою ошибку – первого жениха. Первого и последнего.

Даже отец толком не знал историю Эймердины. Но маме тетушка рассказала ее во всех подробностях.

Эймердина влюбилась в Баллейрана Ррастис сразу же. Он ухаживал за ней внимательно и настойчиво, всем светским львицам на зависть. Осыпал дорогими подарками, цветами, возил на пикники, назначал свидания в лучших ресторанах Мельрании, обращался как с королевой.

Тетушка была на седьмом небе. Они встречались, проводили вместе ночи, и вроде подумывали о свадьбе. Даже ресторан-парк для нее присмотрели. А потом Ррастис пронюхал, что невеста – никакая, по сути, не Саркатта – одна фамилия, да и только. Титула у нее нет, прав на наследство влиятельной родни – тоже. И нет бы пойти на попятный, разойтись по обоюдному согласию – Эймердина никогда не стала бы удерживать мужчину насильно.

Так мерзавец решил выставить тетушку виновницей разрыва! Хуже того – хищницей, которая ради жениха пойдет на все. Мотивы Ррастиса просты и понятны. Он собирался искать новую богатенькую «курочку», обхаживать ее, пудрить мозги неземной влюбленностью. А репутация повесы, что бросил тетушку ни с того, ни с сего, насторожила бы не только самых завидных невест Мельрании. Большинство местных аристократок осудили бы Ррастиса, и не видать ему ни денег, ни титула, как своих ушей.

И мерзавец придумал хитромудрый план. Притворился, что не рассчитал, слишком много выпил с друзьями. Приехал на встречу с Эймердиной и сделал вид, что уснул. Тетушка раздела его, уложила в постель, а отельная прислуга засняла все на кольцо-телефон.

Дальше все было проще простого.

Ррастис запустил видео в галанет, притворяясь любопытным лакеем, случайно обнаружившим запись у знакомой горничной. О том, что Эймердина с женихом вступили в любовную связь задолго до свадьбы, пара старательно умалчивала. Все тот же Ррастис предложил скрывать интимные отношения, дабы не запятнать честь будущей супруги. Тетушка послушалась. Не из наивности, не ради собственной репутации. Не-ет! Ей просто претило афишировать личную жизнь на весь Союз – о благородных семьях судачили не только на Мельрании, но и далеко за ее пределами.

Когда видео расползлось по галанету, меркантильный жених начал возмущаться на всех сайтах и форумах. Врать, что Эймердина шантажировала его той самой проведенной вместе ночью. Требовала жениться за то, что скомпрометировал, лишил невинности. Ну как же! Очнулись голые, в одной постели! Позор, да и только!

Тетушка спорить не стала. Опровергать слухи в галанете, которые резко доросли до статуса «официальных новостей», пополнились новыми, фантастическими подробностями, не стала тоже. Вальгарс, мой погибший двоюродный дядя – единственный, кто знал настоящую историю Эймердины – предлагал нанять адвоката. Подать на Ррастиса в суд за клевету, за обман, добиваться правды. Но тетушка решительно отказалась. Если верить маме, Эймердина считала мерзким и противным вываливать грязное белье на весь высший свет. Требовать, чтобы ушлые сайты удалили видео, грозить им судом, ежедневно проверять – не залили ли заново, и снова требовать… Получать от админов и модераторов мерзкие ехидные сообщения, а то и вовсе натыкаться на глухую стену молчания, бомбардировать ее снова и снова. Эймердина жалела времени и сил на ничтожных существ, что зарабатывали на чужом горе. Порочили честных мельранцев на весь Союз, стригли купоны с просмотров и рекламы, бессовестно пировали «на чужих костях».

И Эймердина надолго приняла клеймо старой девы, искательницы мужей, похитительницы чужой одежды и решила навсегда завязать с близкими отношениями.

Ласилевс частенько напоминал ей про ту историю. Кажется, Эймердина просто боялась, что врач обманет ее, также как и жених. Все-таки знатностью Элдоры, семья Ласилевса, здорово уступала клану Саркатта.

Единственное, что могло сработать – если бы врач внезапно пошел на абордаж. «Окольцевал» тетушку так, чтобы она и пикнуть не успела. К сожалению, Ласилевс слишком дорожил Эймердиной, из сил выбивался, демонстрируя, как ценит ее мнение, желания, ее саму. И в результате добился совершенно обратного. Эймердина не верила Ласилевсу, потому что ведь именно так и добивался ее пройдоха Ррастис. Выполнял малейшие прихоти, предупреждал желания, показывал – какой он прекрасный любовник и кавалер. Эймердина безумно хотела верить Ласилевсу, временами почти верила, но затем вновь уходила в глухую оборону. И немедленно летела на Черные бои.

Вот и после сегодняшней встречи, разговора, исполненного невысказанных чувств, намеков, предложений, тетушка отправилась туда. Торопилась, чтобы следующие два часа называться не Эймердина Ульрани Саркатта, а высокородная стерва, повелительница мужчин.

Смешанные Черные бои появились на Мельрании совсем недавно, с подачи все той же неугомонной Эймердины. Как-то раз она настолько расстроилась, что предложила одному бойцу «маленькую разминку». Наивный бугай, по кличке Буйвол, с радостью согласился, рассчитывая на недолгую схватку, в пол силы. Собирался по-быстрому скрутить Эймердину и заняться следующим «настоящим» соперником. Но… закончил бой с разбитым носом, расквашенной губой, фингалом и сотрясением.

Именно тогда Эймердину и прозвали высокородная стерва, повелительница мужчин.

Бескрайнее поле под машиной, усеянное цветами и травами, было лишь видимостью.

Эймердина включила специальные лампочки на днище своего малинового истребителя, и черный замок вырос перед нами словно из воздуха.

Знаменитый дворец мимикрировал под окружение, и «проявить» его удавалось только с помощью особенного излучения.

Эймердина резко пошла на снижение, и мы на всех парах влетели в иллюзорный витраж на первом этаже замка. Помню, однажды мама рассказывала, как чуть не умерла со страху, когда тетушка, глазом не моргнув, газанула в стеклянную

мозаику. После первого полета с Эймердиной можно было ожидать и не такого эстрима.

На самом деле тут располагалась просторная парковка – черная, как и все помещения замка. Мы сели возле оранжевого столбика с номером 34, и Эймердина пулей вылетела наружу. Когда в тетушке просыпался боевой настрой, боюсь, даже спортсмен из мельранской сборной по легкой атлетике безнадежно отстал бы на многие метры.

Стоило нам приблизиться к оранжевому столбу-многограннику, оттуда привычно выстрелило виртуальное табло, высветив меню на древнемельранском.

Так отсеивались незнатные сородичи с инопланетниками. Если новый мельранский язык еще немного знали в Союзе, то наше древнее наречье с трудом понимали даже местные.

Эймердина набрала специальный код семьи Саркатта, и сверху ухнул лифт.

Тетушка отправила его на шестой этаж – именно там проходили смешанные бои. Женщины дрались с мужчинами, друг с другом, выпускали пар в групповых схватках обоих полов.

Незабываемое зрелище для любителей боев по правилам и свирепых, воинственных амазонок. Мама называла их: «Коня на скаку остановят, в горящую избу войдут». И вроде цитировала какого-то земного классика.

Я не следил за расписанием Черных боев, но знал наверняка – Эймердине обрадуются. На схватки с ее участием всегда собиралось рекордное количество зрителей. Тетушка владела тремя мельранскими единоборствами и задавала жару даже самым непобедимым бойцам. Вот почему ей не требовалось записываться за неделю или две, как многим другим желающим. Эймердину всегда втискивали в расписание, за считанные минуты оповещали зрителей, и те подтягивались со всех концов Мельрании. Даже если сильно опаздывали, прибегали к концу схватки, платили за полноценную, но оставались более чем довольны. На разъяренную тетушку стоило посмотреть хотя бы раз. Особенно когда она вспоминала «как оскорбили земных козлов, смешав их честное имя с именами мужчин».

Пока мы ехали в лифте, тетушка бормотала себе под нос древнемельранские ругательства, чередуя их с именами Свангарда, Юнджиана и бывшего жениха. Да-а-а! Ласилевс и его намеки на романтику, настоящее свидание окончательно вывели ее из себя.

Холл-восьмигранник, неподвижные бугаи-охранники у каждой двери – тут никогда ничего не менялось. Эймердина дернула меня за рукав, и мы буквально ввалились в одну из дверей, не обращая внимания на округлившиеся глаза пораженных громил.

Тетушку тут знали, и впускали без долгих разговоров. Только в спину нам полетело: «высокородная стерва сегодня надерет кому-то задницу».

В кабинете, размером с иной бальный зал, за огромным черным столом сидел главный распорядитель Черных боев – Валлиан Йалти. Особой знатностью его род похвастаться не мог, зато связи имел по всей Галактике. Предки Валлиана смекнули, что единственный шанс «побрататься» с высокородными мельранцами – организовать нечто зрелищное только для них. Желательно, с их участием и возможностью «сбросить пар». Мельранцы никогда не отличались особой выдержкой. В свете им приходилось во все зубы улыбаться врагам, кланяться более знатным мерзавцам и терпеть унижения от тех, кого не могли уважать за внутренние качества. Вот почему идею Черных боев приняли «на ура». И не прошло нескольких десятков лет, как влиятельным кланам удалось узаконить схватки в правительстве Мельрании. Теперь клан Йалти общался с высокородными на равных, а со многими и вовсе – накоротке. Выигрыши на Черных боях немедленно заносились в Галактическую базу. Имущество официально переводилось на новых владельцев, а слава лучших бойцов гремела на всю планету.

Громила Валли, как называли Валлиана почти все знакомые, привстал и размашисто зашагал нам навстречу. Поклонился Эймердине, мне, и жестом предложил разместиться на диване, напротив стола.

За века Черных боев семья Йалти не раз породнилась с самыми знатными кланами. Но порода все равно брала свое. Лицо Валли выглядело слишком грубо выточенным, неблагородным, скошенный лоб и тяжелая челюсть дополняли впечатление эдакого недалекого амбала. На самом деле, этот внешне глуповатый громила, филигранно плел интриги, моментально просекал любую нечестность и нечистоплотность в делах. Да и считал Валли получше любого

бухгалтера. Вот почему сотрудники его «отдела обеспечения» ни разу и ластика не присвоили. Светло-голубые глаза Валли, смотрели на нас с Эймердиной так, что становилось ясно – свою выгоду громила уже просчитал. И даже мысленно монетизировал.

– Эймердина! Моя высокородная стерва, повелительница мужчин! – воскликнул Валли, расплываясь в хищной улыбке. – Мне доложили, что твоя машина приближается к замку. И я тут же забронировал под тебя два времени боя. Через сорок минут и через четыре часа. Какое берешь?

Я мысленно хмыкнул. Помнится, дядю хитромудрый громила убеждал, что записываться нужно, как минимум, за сутки. Лучше – за несколько дней. И даже деньги с него взял, за срочность. А тут – только прилетели и – на тебе! Время есть, соперник мысленно и морально готов. Только выходи и бей его как боксерскую грушу. Уверен, Валли нашел, что сказать прежним «владельцам» тетушкиного времени. Наверное, разразился очередным спичем о том, как сложно точно рассчитать длительность поединка. Посетовал, что нередко схватки затягиваются, и приходится переносить и переносить следующие. Может даже развел руками и выдал свою коронную фразу: «Работа у нас такая. Куда ж деваться».

– Беру ближайшее время! – выпалила Эймердина.

– Отлично. Зал ты знаешь. У нас их всего два. Сегодня – шестой, – радостно сообщил Валли. – Каковы условия?

– Любая ставка от соперника, – отмахнулся Эймердина. – Я даю свой кондитерский бизнес.

Валли заулыбался так, что казалось – у него свело челюсти.

Эта частая ставка Эймердины была лакомым кусочком, во всех смыслах слова. Лет двадцать назад отец беззлобно посмеивался над ее затеей производить сладости с разных планет, смешивать рецепты, добавлять особенные фрукты со всех концов Галактики. Поначалу дело и впрямь выглядело сомнительным, хуже того – неподъемным. Организмы разных рас здорово отличаются друг от друга. И то, что для одной лекарство – для другой сильный яд. Но Эймердина исходила из того, что есть много похожих по физиологии рас, и природа на их планетах

тоже похожа. Нужно лишь исключить «сомнительные вещества», использовать продукты, безвредные для многих. И – вуаля! – рецепт универсальных лакомств готов! Для особенных инопланетников – тех, что совсем не переносили пищу «других миров» – тетушкины заводы тоже припасли сладости. Причем, со вкусом конфет, зефира, печенья и шоколада, которыми лакомились другие расы. Адаптированные, как называли их сейчас. И еще! В последнее время в Союзе снова пошла мода на здоровый образ жизни, и Эймердина запустила особенную линию яств. Они почти не усваивались, зато по вкусу ничем не уступали вредным для фигуры лакомствам.

За считанные несколько лет магазинчики Эймердины набрали такую популярность, что тетушка открыла новые – почти на всех крупных планетах Галактики.

Не удивительно, что ради такого богатого улова, многие бесстрашно отправлялись на встречу с высокородной стервой. Хотя за все время тетушка проиграла только два боя.

– Прекрасно! Раздевалка готова и ждет тебя, – в голосе Валли патоки было больше, чем в сладостях Эймердины.

Громила придвинул к тетушке виртуальный монитор – он выскочил из кольца-компьютера распорядителя.

Эймердина чуть наклонила голову, поднесла палец к экрану, будто бы собиралась подтвердить, что с правилами ознакомлена, ставка сделана, претензий нет. Но остановилась, отдернула руку, прищурилась и посмотрела на Валли. Улыбка стерлась с лица распорядителя, он нахмурился и вопросительно кивнул:

– Что-то не так, госпожа Саркатта? – впервые Валли перешел на официальный тон. Наверняка испугался, что тетушка откажется от выгодного и зрелищного боя. Эймердина оглянулась на меня и странно подмигнула.

– Мы хотим еще один бой! Со Свангардом Лимраньи. За его собственность, девушку по имени Милана Залалатдинова! – бодро выпалила Эймердина. – На ответную ставку не поскупимся.

Судя по хмурому лицу Валли, задачка ему выпала не из легких. Еще бы! Отвергнуть вызов, не драться и даже не выставить вместо себя наемника означало опозориться на всю Мельранию. Конечно же, Свангард не пошел бы на такое ни за что на свете. Только не с его репутацией и связами. Клану Лимраньи, как никакому другому, было что терять.

Но Свангард вовсе не обязан ставить «на кон» Милану. Иначе я первым делом вызвал бы мерзавца на ринг и, как следует, побил. Так, для профилактики. Чтобы впредь не покупал рабынь, даже если их права в современном мире сомнительны и непонятны.

Валли осторожно приблизился к тетушке и почти ласково произнес:

– Господин Лимраньи уже звонил мне. Хотел выставить поединщика в схватке за эту девушку. С другой, правда, целью. Забрать ее раньше срока из-под карантина. Который очень вовремя устроил кто-то влиятельный, из медицинской ассоциации Союза. Свангард как раз заехал за Миланой, и тут ее увезли в планетарный карантинный центр. Не знаете, кто постарался? – Валли вскинул бровь, Эймердина небрежно повела плечами и уточнила:

– Так вам нужны бои с высокородной стервой? Или нет?

Организатор втянул голову в плечи, заметно спал с лица – его явно прижали к стенке. С минуту Валли думал, хмурился и вдруг просиял очередной слащавой улыбкой, такой нелепой на лице этого громилы.

– Слушайте! Так вам крупно повезло! Несколько, даже больше скажу – десяток влиятельных фамилий – потребовали освободить девушку, выдать ее. Тоже заявили схватки. Медицинская ассоциация Союза отказала, и поединки не состоятся. Но теперь, когда Свангард выставил девушку как приз на Черных боях, да еще сразу на нескольких, и вы можете вмешаться. В качестве третьей стороны. Но вам придется вызвать всех заинтересованных лиц, поочередно. Насколько я понял, девушку заперли на четыре месяца. Как раз достаточно, чтобы провести двенадцать боев.

– Отлично! Вызываем всех! У нас много бойцов в семье. Мужчины хоть разомнутся. А то совсем засиделись на диванах, – бодро произнесла Эймердина. – Пусть потрясут телесами! Хватит жирком заплывать!

И я, кажется, только сейчас выдохнул. Сердце восторженно забилось, почудилось – тело почти ничего не весит. Неужели пазл сложился?! Я поверить не мог в свою удачу!

Свангард совершил огромную глупость – выставил девушку призом на Черных боях. Похоже, ему и в голову не приходило, что медики откажутся. Любому мельранцу, какой бы пост он не занимал на планете или даже в Союзе, это грозило позором, всеобщим презрением, отлучением от высшего общества. Но и это не самое страшное. Такого сородича не пускали бы во многие рестораны, клубы, оздоровительные и развлекательные центры планеты. Не только в самые популярные, респектабельные, дорогие, но и в заведения средней руки тоже. Трусу и подлецу никогда не помогли бы лучшие местные врачи, даже если он сам – медик. Свангард сделал ход конем, и все обязательно срослось бы. Но глупец не учел, что в медицинской ассоциации Союза работают не только сородичи. Инопланетников там гораздо больше. Мельранцы, наверняка, схитрили – переложили решение на плечи людей или кого-то еще. Такое практикуется, если раса заинтересована в решении вопроса. Ее просто отстраняют, лишая права даже высказать мнение.

Свангард просчитался, поторопился, и мы просто обязаны этим воспользоваться!

Казалось, кто-то свыше услышал мои молитвы, помогал, вел прямо к цели. Эймердина приехала сюда просто развеяться, излить гнев на мужчин, а в итоге решила все мои проблемы.

В победе Саркатта на Черных боях я ни секунды не сомневался. Свангарду надаю по морде собственноручно! Потребую схватку «как кровную месть»! Тогда мерзавец уж точно не сможет выставить наемника. С большой натяжкой Милану можно считать моей родственницей. Ведь я отдал ей часть себя – аурную плазму, энергию. И, значит, Свангард нанес вред здоровью члену семьи Саркатта. Русалка ведь чуть не умерла из-за экспериментов, учиненных Юнджианом и проплаченных Лимраньей.

Тот факт, что вначале случились эксперименты и только потом – воскрешение несколько усложнял дело, ломал мою логику. Но я почему-то точно знал – Свангард не откажется, просто не рискнет. Повод у меня есть, пусть и небольшой, пусть сомнительный. Отвергнув «кровную месть» горе-рабовладелец рискует не только своей репутацией, но и репутацией всего клана. Такого

семейство Лимранья не допустит никогда.

За остальными бойцами тоже дело не станет. Дар сражался прекрасно, отец и дед – ничуть не хуже. Плюс боевые дяди – мастера во многих единоборствах.

Валли снова придвинул к Эймердине виртуальную клавиатуру, монитор и замер, буравя тетушку беспокойным взглядом.

Она коснулась экрана, а затем и кнопок, оставляя уникальную подпись – энергетическую, слепок ДНК и личный код.

– Все сделаю в лучшем виде, – пообещал Валли. – Но вы должны найти бойцов.

– Найдем, не беспокойся, – хмыкнула Эймердина. – Неужели, глядя на меня, ты еще сомневаешься? – Тетушка притворно надула губы, выпятила грудь и подбоченилась.

Валли подыграл – затрясся, снова вжал голову в плечи и отступил на несколько шагов со словами:

– Что ты, что ты! Я счастлив, что распорядителя вызывать на ринг запрещено! Мы как древние палачи. Презренны и неприкосновенны, – в голосе громилы промелькнула досада, но он быстро взял себя в руки.

– Так-то лучше! – кивнула Эймердина.

Валли расплылся в довольной улыбке, поклонился сначала мне, как более знатному мельранцу, а затем – и тетушке. Мы ответили тем же, и Эймердина устремилась к выходу.

Внезапно меня осенила замечательная идея. Как же я раньше об этом не подумал! Наверное, мысли о русалке, моей рыжей красавице, ярость на Свангарда, на Юнджиана, совсем затмили разум. Эймердина устроила мою судьбу. Легко и быстро, как умела только моя невероятная тетушка.

И пока она переодевалась, я сбросил Ласилевсу эсэмеску. Краткую, но четкую и содержательную. «Черные бои, через сорок минут, шестой зал. Ты думал – как

показать Эйми, что ты – настоящий мужчина. Вот там и увидишь».

Теперь я мог со спокойной совестью ждать тетушкиного боя. Давно я не был так счастлив, давно не ощущал такой легкости в душе. Моя русалка! Скоро ты будешь свободна как ветер. И я сделаю все, чтобы ты меня заметила.

– Рас? Чем ты тут занимаешься? – тетушка выскочила из раздевалки, привычно подбоченилась и окинула меня внимательным взглядом, словно что-то заподозрила.

А ведь сообщение ушло минут двадцать назад! Казалось, Эймердина видит сквозь стены, читает мысли, предвидит будущее.

В своем алом купальнике и красной маске, тетушка напоминала помесь земной амазонки и танцовщицы Муллен Руж. Впечатление ломали лишь высокие ботинки, на такой толстой и тяжелой подошве, что не всякая женщина оторвала бы в них ноги от пола.

Я изобразил невинную улыбку – после того, как мы почти вызволили Милану, это получалось без труда – и ответил:

– Маме звоню…

Эймердина окинула меня внимательным взглядом, чуть наклонила голову, как делала всегда, когда не очень-то верила. Но я решительно закивал и жестом предложил следовать в названный Валли «борцовский зал».

Охранники не просто нас пропустили – тот, что пониже, со шрамом на все ухо услужливо открыл дверь. А тот, что повыше, без правой брови – низко поклонился.

Я не уставал удивляться местным «секьюрити». Сегодня на Мельрании наращивали даже кости, даже конечности, выращивали органы. Стоило это удовольствие недешево, но платили охране Черного замка так, что иные аристократы захлебывались желчью.

И все же охранники никогда не убирали шрамы, не пересаживали поврежденные волосяные луковицы. Будто демонстрировали воинственность, опытность в кулачных разборках. Тонко намекали желающим поспорить, что с «такими» разбирались не раз и не два. И закончилось это для буянов гораздо хуже, чем для охраны.

Помещения для Черных боев напоминали залы для боксерских поединков, только увеличенные во много раз. Публику явно уже подогрели. Азартные мельранские лица со всех сторон скандировали прозвище Эймердины – хором, не пропуская, между прочим, ни единого слова.

Я знал тут почти всех. Знаменитые на всю планету высокородные вельможи, в затрапезных спортивных костюмах, простеньких футболках и джинсах горящими глазами уставились на арену.

В зале приятно пахло чем-то свежим, вроде новорожденной листвы, и совсем не пахло потом. Сотни мощных вытяжек справлялись лучше, чем в больницах, где нет-нет, да и проскальзывали запахи лекарств и еды.

Эймердина одним прыжком юркнула на ринг, взмахнула ногой как танцовщица канкана, и зал взорвался аплодисментами.

Распорядитель сегодняшних боев – невысокий, жилистый мельранец, в черной жилетке на голое тело и смешных красных легинсах, подскочил к тетушке. Поклонился ей почти в пояс, и поднял руку Эймердины в воздух.

По залу поплыла уважительная тишина. Распорядитель выдержал паузу, дал зрителям проникнуться торжественностью момента, и выкрикнул так, что с легкостью покрыл помещение голосом.

– Великая! Непобедимая! Несокрушимая никем и никогда высокородная стерва, повелительница мужчин!

Публика вновь оглушительно зааплодировала. И даже специальные установки для поглощения слишком громких звуков, уже не справлялись с децибелами восторженной толпы.

Я прочистил уши и подумал, что припозднился с сообщением Ласилевсу.

Надо было изловчиться и написать ему еще по дороге. Жаль, что тогда эта счастливая идея меня не посетила.

Фанаты немного стихли, и мои уши наконец-то смогли передохнуть перед следующим звуковым ударом.

– И соперник нашей высокородной стервы. Невозмутимый, крепкий как трехрог, сильный, как ураган и быстрый как змея Ра…

Распорядитель осекся, потому что на арене появился сам Валли и что-то шепнул ему на ухо. На лице коротышки промелькнуло удивление, но он быстро пришел в себя, набрал в грудь побольше воздуха и провозгласил:

– В стане соперника уникальная замена! На бой с Эймердиной, буквально через десять минут выйдет невероятный, неповторимый, шокирующе опасный Хирург!

Тетушка удивленно огляделась. Толпа вокруг арены застыла, захлопала тысячами глаз. Похоже, решала – поразиться или восхититься. Я впервые слышал о таком бойце. Эймердина, кажется, тоже. Зрители принялись шушукаться, выспрашивать друг у друга, что же это за опасный Хирург и чем он так неповторим.

Зальдиф Аскаллини обернулся к соседу – Дарриану Сталль, такому же родовитому, долговязому и нескладному.

– Что еще за Хирург? Ты слышал о нем? – удивился Зальдиф.

Дарриан пожал плечами и отмахнулся:

– Да какая тебе разница?! Я просто хочу посмотреть, как стерва размажет его по рингу. А потом пройдется сверху, как по коврику и ноги вытрет!

Да-а-а! Даже «самцовый» шовинизм, как выражалась мама, пресловутая мужская солидарность меркли перед свирепым обаянием тетушки.

Сама Эймердина замерла посреди ринга в томительном ожидании и легкой растерянности. Впервые Валли ни с того, ни с сего, не предупреждая, поменял ей соперника за секунду до боя. Представляю, сколько стоило это пресловутому Хирургу! Он явно не из бедных, и денег не считает.

Распорядитель услужливо принес тетушке табуретку. Она села, закинула стопу на колено и замерла, позволяя залу оценить себя во всей красе.

– Я бы с такой… – слишком громко поделился кто-то с галерки.

– Тише ты, со своими желаниями! – Шикнул на него один из соседей.

– Ну а что? Я бы с ней тоже покувыркался! – Признался кто-то из дальнего ряда.

– Да хватит вам! – Раздраженно прошипел женский голос с передней трибуны. – Такой момент, а вы о своем, о больном.

Громкие выкрики стихли, но толпа продолжала шушукаться, выяснять – что же это за Хирург и с чем его едят.

И вот, наконец-то, он появился в зале. Небрежным движением запрыгнул на ринг, и одобрительные женские возгласы пробежались по амфитеатру.

Крупный, но не слишком массивный, не перекаченный, Хирург выгодно отличался от многих здешних бойцов. По крайней мере, от тех, кто дрался столь же часто, как Эймердина. С костюмом хирург явно решил не заморачиваться. Я видел тут мужчин, разодетых в пух и перья, в прямом смысле слова, разряженных в стиле супергероев из земных комиксов, в рогатых шлемах и шкурах, словно древние воители. Хирург выбрал самый обычный спортивный костюм, правда светло-голубой, как врачебная одежда, и маску-шапочку на всю голову. Разглядеть черты лица противника тетушки не представлялось возможным – суровая маска из плотного пластика открывала взгляду только черные глаза. Но все равно новый боец кого-то мне очень напоминал. Было в нем что-то неуловимо знакомое. И даже не только во внешности – в жестах, в движениях.

Я вдруг вспомнил, что Ласилевс так и не появился. Возможно, я опоздал с сообщением – врач снял кольцо, отправляясь на роды, на важное совещание, или куда-то еще. Туда, где лишние звонки, эсмсэски нежелательны или слишком отвлекают.

Что ж… придется ему ждать следующего боя…

Эймердина встала и окатила соперника оценивающим взглядом. Тот даже не шелохнулся. Распорядитель торопливо унес табуретку, оставив бойцов один на один. Теперь начало поединка зависело только от этих двоих. Ненадолго публика затихла, а затем снова принялась скандировать «высокородную стерву».

Хирург застыл напротив тетушки. Не нападал, не играл мускулами, как многие, и только наблюдал. Эймердина немного растерялась. Прежние ее соперники немедленно кидались в бой. Стремились доказать, что многочисленные победы тетушки – не более чем удачное стечение обстоятельств, а настоящий мужчина легко завалит любую стерву. Ну и, в большинстве своем, заканчивали также, как и первый ее противник.

Тетушка неспешно двинулась навстречу Хирургу. Тот насторожился, принял боевую стойку. Встал красиво – с ощутимой грацией, пластичностью. Женщины на трибунах ахнули. Круглолицая брюнетка Карти Айванна звонко хихикнула и сообщила подруге – полноватой, светловолосой Сарди Малисто:

– Я буду ухаживать за ним, когда стерва его разделает. Выхожу лично! А потом… кто знает. Мужчина-то хоть куда.

Эймердина замахнулась рукой, и ударила с ноги, выполнив свой коронный обманный прием. Но Хирург, один из немногих, на хитрость не попался. На ложный выпад даже не шелохнулся, ногу поймал у самого лица. И я думал, он вывернет ее, повалив Эймердину на арену. Но вместо этого, Хирург дернул тетушку на себя. Эймердина рухнула на противника, а тот обхватил ее руками и ногой. Драться тетушка уже не могла. Хирург слишком прижал ее, почти лишив возможности двигаться. Все, казалось, Эймердина в мертвой хватке, бой проигран едва начавшись.

По залу пробежали разочарованные смешки. Откуда-то слева донесся злой женский возглас:

– Ну же, стерва! Давай! Задай ему жару! Не сдавайся!

Сзади ответил донельзя довольный, конечно же, мужской:

– Ну что, доигралась? Давай хирург, жми! Так ее!

Но в эту минуту тетушка сделала то, на что решится одна из тысячи женщин – атаковала противника лбом. Такого Хирург не ожидал совершенно. Получив удар в солнечное сплетение – выше Эймердина сейчас не доставала – он, похоже, немного ослабил хватку. Тетушка ловко выскользнула из рук соперника, присела, и с размаху саданула ногой по его коленям. Хирург рухнул на арену как подкошенный, под восторженное улюлюканье наших аристократов. Эймердина запрыгнула сверху и провела болевой прием. Заломила ногу противника назад и ткнула локоть в его нервное сплетение, под лопаткой. Толпа опять принялась скандировать «высокородную стерву».

Я думал – все, тетушка победила, но мы со зрителями снова сделали преждевременные выводы.

Кривясь от боли, до крови закусив губу, Хирург вывернулся, перехватил руки Эймердины и сделал один, мощный рывок. Секунда – и положение бойцов поменялось с точностью до наоборот. Зал ахнул, взорвался удивленными возгласами. Теперь уже Хирург восседал верхом на Эймердине, пригвоздив ее руки к рингу…

…Еще некоторое время схватка шла в том же духе. Только чудилось, что победа за одним из соперников, как другой внезапно выкручивался и брал верх.

Наконец противники распростерлись на ринге, намертво зафиксировав друг друга в немыслимой позе.

Эймердина вновь заломила ногу Хирурга назад и ткнула локоть в его нервное сплетение, под лопаткой. Мужчина извернулся, заломил ногу тетушки одной рукой и с невероятной точностью, не глядя, вставил большой палец другой в

болевой центр соперницы, на пояснице.

По залу понеслись недоуменные реплики.

«И что теперь?» «Это, что, ничья?» «Где распорядитель?» «Да сделайте уже что-нибудь!»

Но и здесь бойцы умудрились всех удивить. Эймердина подпрыгнула, Хирург тоже, и противники очутились прижатыми друг к другу, на сей раз –лицом к лицу.

Ситуация вновь казалась безвыходной. Отчаянно сжимая соперника ногами и руками, ни один из бойцов не мог даже пошевелиться.

В зале воцарилась потрясенная тишина. Только слышалось шумное дыхание бойцов, да охи-ахи женщин на трибунах. Но не прошло и пары минут, как Ласилевс разомкнул руки, рывком сдернул маску и впился поцелуем в губы Эймердины.

Публика заорала и захлопала так, что я едва не оглох. Распорядитель боев остановился неподалеку от противников, явно выжидая, что же дальше.

Но зрелищное представление оборвалось на самом интересном месте.

Эймердина вырвалась, отскочила и бросила в лицо Ласилевсу:

– Ничья! Каждый остается при своих!

Глазом моргнуть не успел, как тетушка выпрыгнула с арены, схватила меня за руку и потащила из зала.

Следом выскочил Ласилевс, догнал нас возле раздевалки Эймердины, и я ретировался, как мог. Еле вырвал руку из ладони тетушки – она вцепилась в нее почище, чем в соперника на ринге. Метнулся в другой конец холла-многогранника и принялся детально изучать черную стену замка.

Охранники у каждой из восьми дверей не шелохнулись, даже бровью не повели.

– Да что ты себе позволяешь! Что за фарс! – на весь холл возмутилась Эймердина, и я уже испугался, что публика повалит наружу, досмотреть второй раунд поединка.

Но послышался тихий щелчок дверной ручки, и новый возмущенный крик тетушки:

– Не смей меня толкать! Убери свои подлые руки! Хирург, тоже мне! Да ты себе льстишь! И даже очень!

– Давай поговорим внутри, – расстроенно произнес Ласилевс, и голос его совсем упал.

Когда я развернулся, парочка исчезла из холла. Публика и, правда, высыпала из зала, но душераздирающую сцену застать не успела. И расслышать ничего не могла – стены и дверь раздевалки были звуконепроницаемыми. Взорвись там бомба, мы узнали бы только постфактум – по обугленным стенам и дыму.

И что-то подсказывало мне – сейчас ни в чем не повинное помещение терпело почти такое же бедствие.

В холле повисла разочарованная тишина. Высокородные любители зрелищных схваток и скандалов замерли, и смотрели на дверь раздевалки так, словно она вот-вот могла стать прозрачной, а то и вовсе – испариться. Но чуда не случилось.

Толпа зашумела досадливыми выкриками, взорвалась разочарованными комментариями и начала стремительно рассасываться. Следующий бой, похоже, интересовал немногих.

Я слегка помедлил и решил предоставить Эймердину с Ласилевсом самим себе. Скинул эсэмэску в такси и направился к столбу с табло, чтобы вызвать лифт.

Сегодняшний день принес слишком много разочарований, слишком много счастья, слишком много ярости. Эмоции совершенно схлынули, давая нервной системе столь необходимую ей сейчас передышку и разрядку. Внутри разливалось усталое спокойствие. Оно всегда предшествовало недолгому опустошению, обычному для индиго с моими способностями.

Глава 3. Милана

Чудилось – я попала в сказку, и все здания тут маленькие снаружи, но громадные внутри. В просторных залах больничной пристройки так и хотелось кружиться, танцевать, словно принцесса на первом балу. Даже не знаю – откуда взялась эта мысль, это сравнение. Я никогда не считала себя романтиком, и реальность воспринимала сквозь призму не слишком-то приятного жизненного опыта.

На сводчатых потолках поблескивали радужные разводы – плавали и меняли форму, как на мыльных пузырях. Из-за белых стен помещения выглядели еще больше.

Мы миновали четыре зала, совершенно пустых, с одинаковыми кожаными диванами у стен. Так и хотелось прыгнуть на них, развалиться и наслаждаться тем, что щелкнула Свангарда Лимранью по носу.

Щелкнула ли? Надолго ли меня спасли от него? Надолго! Совсем! Полностью!

Откуда взялась эта уверенность, легкость, ощущение полета, я не понимала.

Медбрат молча шел рядом и косился так, словно впервые увидел. То ли догадался о причинах моего неуемного веселья, то ли удивлялся восторженной улыбке спутницы при виде пустых помещений с диванами.

Я же ощущала себя вначале пути, на старте, за которым – невероятные приключения. Иногда поразительные, иногда опасные, но всегда с хорошим концом.

– Ты Милана? – я вздрогнула, и прямо перед собой обнаружила девушку, похожую и на человека и на рептилию одновременно. Она словно выросла из-под земли или двигалась насколько быстро, что я не уловила.

Такие существа плавали в сосудах, в моей тюрьме-лаборатории. Лоб и переносицу незнакомки покрывала светло-желтая чешуя, тремя тонкими полосками тянулась вдоль совершенно гладкой головы, без единого признака волос. Огромные черные глаза девушки казались слишком выпуклыми, округлыми, а фигурка тонкой, как стебелек.

– Знакомься с соседкой. Она будет жить в смежной с тобой комнате, –представил медбрат. – Это Лу, – кивнул в сторону девушки, а это – Милана – кивнул уже в мою сторону. – Покажешь ей что тут и как? – спросил у полурептилии.

Та вернула кивок, и медбрат торопливо ушел, не прощаясь.

– Ну? Давай проведу тебе экскурсию! – бодро предложила Лу и приветливо улыбнулась, сверкнув тонкими остроконечными зубами.

Не дожидаясь моего ответа, полурептилия двинулась к стене, сделала широкий жест, и… произошло нечто. Стена заколебалась, задрожала, как мираж в знойный полдень, и начала медленно растворяться в воздухе. Передо мной, словно из ниоткуда, появились десятки черных дверей с белоснежными ручками и без опознавательных знаков.

Лу решительно двинулась к паре дверей и распахнула их настежь.

Взгляду открылись совершенно одинаковые круглые комнаты, меблированные настолько по-спартански, что выглядели полупустыми.

Белая кровать неподалеку от окна. Большая, квадратная… Можно ворочаться вдоволь, раскинуть ноги и руки в стороны, играть в догонялки. Тумбочка в углу, узкий шкаф рядом с постелью, небольшой квадратный стол и два стула. Вот и вся обстановка.

Лу подошла поближе, взяла за руку, и я заметила, что чешуя поблескивает на ее тонкой кисти причудливым браслетом.

– Заходи, это твои апартаменты на время карантина, – улыбнулась она, и потянула в одну из комнат. – Я все покажу, и пойдем в столовую. Есть хочешь?

– Ага, – только и смогла выдавить я.

Незнакомка, похожая на инопланетянку из фантастических фильмов моего времени, вызывала жгучий интерес. Так и подмывало спросить – какая же она вся, под тонким, синим платьем, с высокими разрезами на бедрах и полупрозрачными шароварами. Есть ли еще чешуя на теле Лу, а может перепонки между пальцами на ногах? На руках их не было точно, только вместо ногтей росли узкие зеленоватые коготки.

Странно… Настроение стремительно улучшилось. Все вокруг представлялось невероятным, потрясающим, фантастическим. Неприятные эмоции схлынули, ушли, как вода в песок.

Лу завела меня в комнату, открыла шкаф, и показала одинаковые спортивные костюмы из тонкого трикотажа всех цветов радуги.

– Униформа! – хмыкнула полурептилия. – Если захочешь одеть что-то другое, потом попросишь у персонала. Они отзывчивые и контактные.

Лу открыла тумбочку и вытащила оттуда небольшую бархатную коробочку, в каких хранят кольца и сережки. Внутри, в самом деле, обнаружилось колечко – прозрачное, но не стеклянное, с ярко-зеленым камушком. Лу протянула его мне и сообщила:

– Твой компьютер и телефон. Пробуй.

Я с удивлением надела украшение и из него немедленно выскочило изображение клавиатуры. Я будто смотрела 3Д кино. Клавиатура приблизилась сильнее, на кнопках зажглись буквы. Я почему-то знала их, хотя никогда не владела этим алфавитом.

Я уже подумывала спросить – как «засунуть» клавиатуру назад, в кольцо, когда ее засосало туда, словно в воронку.

Украшение мигнуло, и наружу выстрелил список контактов. Небогатый, но и на том спасибо.

Главврач, охрана, персональный врач, медсестра, глава хозяйственной части и… Врастгард Саркатта. Мне так и захотелось позвонить ему – вот прямо сейчас, немедленно. Услышать приятный, бархатистый голос, спросить какую-нибудь глупость, поболтать ни о чем. Но в эту минуту Лу тронула за плечо и снова предложила:

– Ну что? Идем в столовую?

Я оглянулась к полурептилии, а когда повернулась к кольцу снова, список контактов пропал.

Есть и, правда, очень хотелось. Будто нарочно поддразнивая голодный желудок, в зал потянулся запах свежей сдобы и, кажется, плова или чего-то очень похожего.

Лу ждала у двери. Я двинулась к ней, и полурептилия стремительно зашагала вперед.

Мы миновали несколько очередных, совершенно одинаковых круглых помещений, и очутились перед темно-зелеными дверями – от пола до потолка. Из них пахло ванилью, жареным мясом, овощным рагу, пловом, пирогами… ммм… Просто слюнки текли. Желудок сжался и заурчал.

Тяжелые двери мы с Лу отворили, навалившись всем телом, и почти влетели в столовую – такой же круглый белый зал, как и все остальные.

Вдоль стен тянулась анаконда столов, заставленных кастрюлями с едой и белыми тарелками разной глубины. На последнем возвышалось ведерко с приборами и что-то вроде пяти гигантских термопотов литров на двадцать или даже больше. Прямо как на курорте, в отеле «ол инклюзив»!

Еще бы море, пляж, массаж… и можно жить.

По центру зала рассыпались небольшие круглые столики – белые, как и все вокруг.

Похоже, большая часть местных обитателей уже перекусили, потому что в столовой оставалось всего несколько существ. Каждого хотелось рассматривать даже больше, чем есть. Я с огромным трудом отвела глаза, продолжая, как можно незаметней коситься на соседей.

Двое мужчин и девушка с красной, как у индейцев кожей, были заметно непропорционально сложены. Но их короткие ноги, широкие, уплощенные стопы, удлиненное тело не так бросались в глаза, как массивные, закрученные рога у висков. Черные волосы рогачи уложили в причудливые прически, похожие на переплетение сотен жгутов.

В дальнем углу одиноко сидело зеленокожее существо, с остроконечными, как у эльфов, ушами и очень длинными желтоватыми волосами, похожими на тонкие стеклянные нити. Я так и не поняла – женщина это или мужчина. Лицо «зеленого» выглядело гладким, а черты и вовсе – почти анимешными. Огромные глаза, будто черные маслины, пушистые длинные ресницы, крохотный нос, даже не так – едва обозначенный, с узкими щелками-ноздрями и алые губы-бантиком. Неожиданно крепкое, коренастое тело инопланетника, едва прикрытое тонкой белой туникой, выглядело совершенно лишенным любых признаков пола.

Двое мужчин и пара женщин за центральным столиком напоминали людей и мельранцев одновременно. Неподалеку от них разместились три девушки и парень, очень похожие на Лу. Только вместо чешуек их лысые головы опоясывали кусочки панциря. Такие же широкие «браслеты» виднелись на запястьях, полуприкрытых рукавами клетчатых рубашек.

Столы с яствами перетянули на себя внимание лишь, когда в деталях изучила соседей.

Первое, на что упал взгляд – сочные квадратики тушеного мяса, политые густым золотистым соусом. Ммм… Я взяла белый поднос, тарелку и положила себе несколько. Добавила тушеных овощей, пару фруктов, вроде зеленых удлиненных яблок и повернулась к Лу. На ее подносе дымилась тарелка с запеченными злаками странной треугольной формы и длинными зелеными стручками-гриль.

На терпомотах опознавательных знаков не обнаружилось. Но Лу опередила мой недоуменный вопрос.

– Тут травяной чай, тут фруктовый компот, а тут – лаймин, что-то вроде земного кваса. И не бойся! Здесь есть и пить можно все. Все продукты содержат только полезные для нас вещества. Те, где есть что-то ядовитое или просто вредное для какой-то расы, из рациона исключены.

Я удивленно посмотрела на Лу. Ну, надо же! Мне и в голову не приходило, что есть и пить в инопланетной больнице не так уж и безопасно! В мое время фантасты сплошь и рядом писали о том, как существа из разных миров пировали вместе, угощались во всяких там космических кафешках и барах. Про фильмы уже и не говорю. Лу мотнула головой и направилась к одному из столиков…

… Обед прошел спокойно и даже приятно. На нас никто не обращал внимания – диковинные существа заканчивали трапезу и уходили.

Мясо таяло на языке, фрукты и, впрямь, оказались на вкус как сочные спелые яблоки, травяной чай пах мятой и смородиной.

Я совершенно расслабилась, даже не удержалась, принялась расспрашивать Лу о месте, куда попала и удивительных соседях.

– Тут живут гуманоиды с разных планет? – произнесла как можно тише, чтобы соседи не услышали.

Лу понимающе улыбнулась, и я заметила, что десны ее отсвечивают лиловым.

– Не совсем так. Тут живут необычные существа. Не просто инопланетники. Мутанты, случайные помеси разных рас. Теоретически они скрещиваться не должны. Но на практике… все оказалось иначе, – Лу подняла руки, демонстрируя «браслеты» чешуек на запястьях. – Выяснилось, что все зависит не только от пресловутой ДНК, физической совместимости. Но еще и от нашей энергетики, ауры. Иногда она может ненадолго менять ДНК, подстраивать организмы так, чтобы у инопланетников получались дети. Пока никто точно не знает – как это происходит и чем нам всем это грозит… Но факт остается фактом.

– Грозит? – удивилась я. – А чем это может грозить, кроме появления смешанных пар?

Лу слегка подалась вперед и понизила голос:

– Видишь ли… Раньше считалось, что большинство инфекций и генетических заболеваний поражают только конкретные расы. А вот теперь выясняется, что они опасны и для других существ, если их аура «настраивается на инопланетников». Об этом мало кто знает, но медицинская ассоциация Союза всерьез бьет тревогу. Инфекции, паразиты, вирусы, генетические заболевания становятся общими для некоторых, казалось бы, совершенно неродственных рас. И врачи панически боятся пандемии. Но есть и хорошая новость. Аура может защищать от инопланетных инфекций тоже. А вот почему одних она оберегает, а других – совсем наоборот, пока никто не знает. Здесь как раз и ведутся исследования таких загадок природы. Ну и нас, всех на свете помесей, проверяют, тестируют, пока не сочтут безопасными, чтобы выпустить в «большой мир».

Я коротко кивнула. Как все сложно-то! Снова вспомнились фантасты из родного мира. Большинство из них о таком и не думали. Легко «заражали» героев с разных планет чужими болячками, лечили одинаковыми лекарствами… Наверное, чтобы вообразить мир будущего нужно стать либо ученым, либо пророком.

И пока я привыкала к тому, как тут все непросто, загадочно, Лу вдруг перестала жевать, вскинула голову, прищурилась и произнесла:

– Кстати! У тебя очень необычная аура! Я такой еще не видела. Даже у индиго. Что у тебя за способности?

Я пожала плечами и грустно хмыкнула:

– Сама не знаю.

– Так давай выясним! – Лу глотнула компот, источавший аромат клубники с малиной, и решительно отставила стакан. – Доедай и будем разбираться. Если хочешь, конечно.

Похоже, мое замешательство, молчание полурептилия истолковала по-своему. Решила, что я не готова делиться тайнами с первой встречной. Я же просто размечталась.

Узнать – что же у меня за аура, сверхспособности, как у супергероев из комиксов – а чем черт не шутит – хотелось, и даже очень. Вдруг получится отхлестать Свангарда Лимранью энергетическим кнутом, поднять его в воздух, как Магнето, приклеить к какой-нибудь железяке. Пусть проветрится, обдумает свои поступки, отношение к людям, наконец.

А еще… еще я бы поджарила его энергетической волной, как Циклоп или его брат… Воображение разыгралось не на шутку, и я закончила с обедом так быстро, что сама себе удивилась.

Три чашки травяного чая взбодрили, придали сил, настроения.

Лу уставилась вопросительно, и я поспешила с ответом:

– С удовольствием выясню – на что же я способна.

Лу кивнула и встала из-за стола.

Я думала – мы отправимся назад, в комнаты. Но вместо этого полурептилия вышла из столовой, придвинулась вплотную к стене и провела возле нее руками.

Нам открылся неожиданно узкий коридор, ярко освещенный голубыми лампочками на потолке. Полукруглые, не больше ладони размером, они складывались в какой-то замысловатый узор, вроде множества перекрещенных зигзагов.

В конце коридора виднелась дверь. Лу решительно направилась туда, и я заторопилась следом.

За дверью оказалось нечто вроде оранжереи или крытого внутреннего дворика. Мощеные полупрозрачными голубыми камнями дорожки змеились между клумб. Пестрые ковры садовых цветов самых разных видов и форм поражали воображение. Синие лилии в желтую крапинку, черно-белые «махровые» маки, ярко-фиолетовые каллы и розы… Они выглядели ненастоящими – искусными подделками из какого-нибудь чудо материала.

Вдоль тропинок тянулись плотные ряды ярко-бирюзовых скамеек. По периметру дворика, возле глухих белых стен, выстроились хвойные деревья, вытянув свечки-кроны под самый потолок. А он располагался так высоко, что казался миниатюрным кусочком неба, в громадной круглой трубе из стен.

Здесь пахло природой. Не знаю даже как сказать иначе. Медовый аромат цветочного нектара перебивал запах прогретой хвои, смешивался с ноткой свежестриженной зелени и росы.

Лу оглянулась, просияла хитрой улыбкой и пояснила:

– В это время здесь почти никого не бывает. И я гуляю… Утром и днем тут настоящее столпотворение… У нас как в тюрьме. На волю нельзя, но свежим воздухом дышать необходимо, – полурептилия поморщила носик и уселась на скамейку. – Ну, давай, посмотрим, что у тебя за способности! – Заявила неожиданно бодро и приглашающе похлопала по скамейке рукой. – Я с индиго знакома неплохо. За последние годы тут побывало не меньше сорока таких, как ты.

От удивления я даже рот приоткрыла.

– Ты здесь так долго? – вырвалось у меня.

– Это отдельная история, – нахмурилась Лу. – Таких, как я, во Вселенной наперечет. Вот нас и проверяют на все и вся. А когда обнаруживают особенности, аномалии исследуют снова. Да садишь же! – Она вновь похлопала по скамейке ладонью, и я послушно опустилась рядом.

– Ну что ж! Я умею выявлять способности индиго. С вами это вроде бы просто, – хмыкнула Лу и без перехода спросила: – Как тебе перспективка стать тут заложницей на долгие годы? Ждать – выпустят ли тебя в новый мир или запрут в четырех стенах, как потенциальную угрозу здоровью граждан Союза?

Я вздрогнула – от одной мысли о таком будущем стало очень не по себе. Казалось, из огня попала да в полымя. В первую минуту нахлынула апатия. Захотелось просто лечь и не вставать, пока все не закончится. Так или иначе, уже не имело значения. Но внезапно, резко изнутри поднялся мощный протест.

Да что же это такое! Почему я должна это терпеть?! Я человек, в конце концов! Пусть необычный, пусть какой-то там индиго! Но я не вещь и не животное, чтобы мной вот так распоряжаться. Сердце забилось быстрее, дыхание оборвалось, в груди стало жарко-жарко. Я вскочила на ноги – пружинисто, словно гимнаст, на чистых инстинктах выбросила вперед руки – и оттуда выстрелили разряды.

Ударили в стены, взорвались фейерверком искр, вонзились в деревья, и горелая листва осыпалась вниз, источая отвратительный запах. Серые локоны дыма потянулись к потолку. В носу защекотало, засвербело. Я едва не чихнула и принялась отчаянно тереть переносицу. Раньше, еще до моей злосчастной комы, этот незамысловатый прием очень помогал от незапланированного чиха.

Даже странно, но вместе с разрядом из меня словно вышло все отчаяние, расстройство, паника. По телу пробежала то ли волна, то ли мелкая дрожь.

Я не чувствовала совершенно никаких неприятных эмоций, не верила в слова Лу. Казалось – она сказала это нарочно. Нарочно? Электричество? Стоп!

Я опустила глаза на полурептилию. Та ответила удивленным взглядом и уточнила:

– Хочешь сказать, что поймала мое настроение? Почувствовала, что блефую?

Я растерянно кивнула и опустилась на скамейку, чтобы ненароком не упасть от удивления.

– Хм… А вот это уже очень и очень интересно. Ну, то, что ты электрическая индиго яснее ясного. А вот еще… У тебя есть еще какой-то очень необычный дар. Я никогда такого не встречала…

Я пожала плечами:

– Эмпатия? Ну и что тут необычного?

Лу помотала головой.

– Ты чувствовала эмоции медбрата, который тебя привел? Свангарда, который пытался тебя купить и не смог?

Вот теперь настал мой черед покачать головой.

– Нне-ет, – растерянно протянула я.

– Медбрат злился по поводу своей девушки. Та дала ему от ворот поворот, сочла недостаточно знатным для женитьбы на себе, высокородной. Эмоции зашкаливали, уж поверь. Я-то как раз эмпат. Свангард… думаю, бесился еще сильнее. И если ты не чувствовала их, то мои, куда более слабые эмоции точно не прочла бы. Это нечто другое. Ты как будто на время получила мои способности. Или вроде того. Очень интересно. Даже аура у тебя изменилась. Напоминала мою. Пошла странными волнами, как будто на меня настраивалась, менялась. Хм… а ты очень необычная, Милана.

Я снова пожала плечами и выдохнула:

– Надеюсь, здешние эскулапы этого не заметят, не захотят исследовать меня, как лабораторную крысу или неведомую зверушку?

Лу помотала головой и улыбнулась:

– Не бойся. Тут этим не занимаются. Главное, чтобы у тебя не было никаких опасных болезней, даже в скрытой форме. Чтобы ты не оказалась носителем какой-нибудь давно забытой смертельной инфекции. Все остальное – прерогатива Юнджиана. А он тебя уже упустил. Не ожидал, что ты такая необычная, мерзавец!

Я всмотрелась в лицо Лу. Ее губы поджались, глаза метали молнии, узкие ноздри раздувались. Похоже, и полурептилии «досталось» экспериментов от местных ученых. Лу кивнула – наверное, прочла мои эмоции.

– Меня долго мурыжили. Изучали эмпатию. Такая сильная пока ни у кого не проявлялась. Индиго чаще всего телепаты. Да и то – читают только своих же, сородичей. Нечто вроде межрасового беспроводного телефона из мозга в мозг. Они и эмоции могут ловить, но опять же – лишь таких же индиго. Я мысли не

читаю. Совсем. Зато эмоции ловлю без усилий и любые. Даже самые слабые. Если захочу, конечно, – поспешила заверить Лу, будто опасалась за наши приятельские отношения.

Еще бы! Кто захочет дружить с существом, которое беспрестанно роется в его чувствах, как у себя дома?

– Обычно я закрываюсь, ничего не подумай, – мягко улыбнулась полурептилия.

Я вгляделась в черные глаза девушки. Почему я должна ей верить? Потому, что других знакомых у меня здесь нет? Потому, что отвергнутый невестой медбрат перепоручил меня первой встречной инопланетнице?

И снова я сама себя не понимала. Противоречивые эмоции разрывали на части. Половина меня доверяла Лу – как-то вдруг, сразу и полностью. Пошла бы с ней в разведку и в горы. Но вторая половина упорно не хотела верить новой знакомой, требовала закрыться от нее насколько возможно, следить за каждым шагом, словом.

Я растерялась, застыла, не понимая – что происходит, когда заметила взгляд Лу, поверх моего плеча и даже головы.

Я инстинктивно обернулась и увидела высоченного мельранца. Нет, не совсем мельранца. На голове его тянулась тонкая полоска чешуи, как у Лу. Но в остальном белокожий мужчина, с крупными, мясистыми чертами лица ничем не отличался от того же Юнджиана или мерзкого Свангарда Лимраньи.

Судя по серой футболке и трико, незнакомец, в отличие от Лу, не просил у местных выдать ему что-нибудь помимо «униформы».

– Что ты тут делаешь, Лу? – недовольно спросил мужчина.

Моя спутница пожала плечами, хотела что-то сказать, но в эту минуту меня накрыли такие эмоции, что пришлось поспешно упасть на скамейку. Иначе я просто рухнула бы навзничь.

От ярости загудела голова, запульсировала в висках кровь. Я почти оглохла от барабанного боя в ушах, ладони заледенели. Захотелось рвать и метать, броситься на Лу, повалить ее и прижать к камням дорожки так, чтобы шевельнуться не могла… А потом… потом… потом… внутри родились совершенно другие ощущения. Низ живота скрутило спазмом, лобок заныл, боль прострелила до самого позвоночника. Губы начало покалывать.

Мне захотелось взять Лу, прямо тут – грубо и быстро, подминая ее под свое мощное тело, вбиваясь так, чтобы наши тела ударялись друг о друга…

Я выдохнула, пытаясь восстановить дыхание и вдруг все исчезло. Вместо этого почудилось, будто к руке что-то прилипло. Я посмотрела на ладонь и обомлела – в ней неведомым образом оказалась внушительная металлическая пряжка… вместе с ремнем.

Незнакомец уставился на меня расширившимися глазами. Медленно оглядел себя, словно не верил, что это его ремень, вырвал трофей из моих рук и стремительно покинул дворик.

– Ну, ты даешь! – воскликнула Лу, помогая мне подняться. – Ты ведь не просто перехватила наши способности. Ты их утроила! Я не читала его, закрылась, и вдруг такой мощный прорыв. Его магнитный дар очень слабый, он и вилки-то притягивает с трудом. А ты вырвала с корнем ремень из его брюк! Такое ощущение, что ты не перенимаешь, не настраиваешься, а на время подключаешься к нам и работаешь как мощный усилитель.

Я с трудом присела повыше, откинулась на спинку скамейки и спросила только:

– Это можно контролировать? Иначе мне конец.

– Уверена, что можно, – осторожно погладила меня по плечу Лу. – Думаю, попробуем ставить щит. Также как я от чужих эмоций. Это не сложно, если научиться.

Глава 4. Эймердина

Давненько я не чувствовала ничего подобного. Эмоции бурлили, лились через край. Мне хотелось убить Ласа за его обман, за то, что вышел на поединок, не предупредив, и расцеловать хотелось тоже.

Я слушала любовника в пол уха. То верила ему, то снова подозревала в обмане.

И опять, опять внутри зарождалось, стремительно росло это ненавистное ощущение! Паника, ужас при мысли, что Лас поступит также как Ррасти. Отчаянно хотелось разрыдаться, орать так, чтобы взорвался тонкий пластик окон, сорвать связки в крике обманутой, униженной женщины.

В конце концов, чем Лас отличался от моего мерзавца женишка? Знатностью он превосходил Ррасти совсем немного и очень сильно уступал Саркатта.

И я бы даже не зацикливалась на этом, если бы не одно «но»… Елисса, как вторая глава семейства, после Рейгарда, своего мужа, несколько месяцев назад наградила меня титулом. Я просила свою замечательную новую родственницу держать все в секрете. Боялась, что вновь стану желанным призом для очередного альфонса, безродного охотника на знатных дурочек.

Лиса молчала, не рассказала даже мужу и сыну. Но все тайное рано и поздно становится явным. Да и какие могут быть секреты от того, кто шарит в Галактической базе, будто у себя дома? Это ведь Лас нашел сведения про Юнджиана, его секретные эксперименты, о которых знали разве что только в правительстве и в высших медицинских кругах Союза. Ладно бы только нарыл информацию! Лас даже выяснил – где находится лаборатория. Я очень хотела, чтобы племянники оживили бедолаг – невинных жертв наших горе-ученых, неспособных ни постоять за себя, ни дать сдачи. Лилитанна поддержала – задействовала связи, чтобы ребята беспрепятственно проникли в больницу.

Мой новый титул уже значился в Галактической базе. Значился, как закрытая информация, доступная лишь нашей семье и родственным ей веткам. Но Лас творил с базой и не такое…

Сказать по правде, он перешел к активным ухаживаниям задолго до того, как я стала настоящей Саркатта. Но сомнения все равно глодали душу.

От воспоминаний о том, что сделал со мной Ррасти, хотелось замолотить кулаками в стену, расцарапать ее ногтями. Пусть даже они раскрошатся, сломаются «до мяса», до крови! Пусть треснут кости! Но я выплесну эмоции наружу… Все, что столько лет бурлило в душе, разрывало на части, заставляло страшиться любой близости с мужчиной!

Лас замолчал, застыл напротив, ожидая, пока закончится моя тихая истерика, и вдруг ударил наотмашь:

– Эйми… Я знаю – почему ты такая…

– Это какая же? – с вызовом спросила я, внутренне холодея. Руки инстинктивно уперлись в бока, я приняла защитную стойку – ноги на ширине плеч, одна чуть оставлена назад. Лас окинул меня грустным взглядом, криво усмехнулся и выпалил:

– Сегодня все встало на свои места, Эйми. Я копался в базе, чтобы выяснить – какой у тебя бой и напоролся на информацию про вас с Ррастисом Баллейраном.

У меня отнялся язык, по горлу словно водили наждачной бумагой, глаза обожгло. Но я стиснула зубы до мерзкого скрипа, сжала кулаки до боли в суставах и не позволила себе разрыдаться. Нет уж! Никогда больше этот мужчина не удостоится моих слез!

Никогда больше! Ни за что на свете!

Глаза продолжало жечь, и я снова скрипнула зубами – до рези в челюстях, до передергивания. Лас тяжело вздохнул и вдруг подскочил, сжал в объятиях – сильно-сильно, как никогда прежде. Раньше он обнимал осторожно, бережно, словно я какой-нибудь нежный цветочек. Почти также как Рей обнимал свою ненаглядную Лису. А сейчас… сейчас Лас просто смял меня руками, выжал воздух из легких, и горячий шепот обжег ухо, отозвался внутри сладким томлением:

– Его я тоже нашел! Женился на Шаллинде Фралтаж, жил себе припеваючи, ни в чем не нуждался. Но по закону кармы жена оказалась бесплодной. Ррастис развелся, получил шикарные отступные. А потом полил Шаллинду грязью на весь галанет. Заявил, будто госпожа Фралтаж женила его на себе, солгав о

беременности. Даже видео выложил, где она якобы говорит о задержке… Теперь, видимо, ищет новую жертву. Я вызвал его на бой. На кровный поединок. Так что выставить вместо себя наемника мерзавец не сможет. И состоится наша схватка сегодня же! Если выиграю, заберу у него титул и все, что выручил при разводе с бесплодной супругой. Отдам тебе, и будем считать вы квиты.

Я с трудом втянула воздух. Буря в душе не улеглась, но внезапно полегчало. Сердце восторженно забилось, в животе разлилось приятное тепло.

Лас отпустил, отступил на пару шагов, и я почувствовала себя ужасно одинокой без его крепких рук на талии, объятий, шумного дыхания возле уха.

– Не заставляй меня снова вызывать тебя, высокородная стерва, повелительница мужчин, – выпалил любовник. – Я это сделаю. Или давай так. Если одолею Ррастиса, мы уедем. Вместе, на ближайшую курортную планету. На пару месяцев. И там ты решишь – стоит ли со мной оставаться.

– Ты вызвал его на кровную? Но как? Он не вредил твоей крови… – поразилась я, судорожно пытаясь сообразить – какую лазейку отыскал, на сей раз, мой умница Лас.

Любовник просиял злорадной улыбкой – не припомню еще такого выражения на его лице – и объяснил:

– Я перерыл всю галактическую базу, исследовал все ветки знатных фамилий. И – вуаля! Нашел-таки общих родственников с Шалиндой. Седьмая вода на киселе, как выражается Лиса. Но этого достаточно, чтобы гаденыш не смог отвертеться, купить вместо себя наемника. После развода Шалинда долго лечилась у психолога, некоторое время жила на успокоительных, антидепрессантах. Почти не пила и не ела, похудела на пятнадцать килограмм! Это тоже секретная информация, но я раскопал и ее. И получается, формально, Ррасти повредил моей крови и должен был принять вызов. Что он и сделал. А куда деваться мерзавцу? Я оставил бы его на весь галанет. Уж кто-кто, а Ррасти знает – какая это сила. И отлично понимает – бороться с такими слухами, победить их почти невозможно. Даже правдой, даже документами, даже публичным покаянием.

– И ты отдашь титул Фралтаж мне? Не оставишь себе? – растерянно уточнила я.

Лас нахмурился, потемнел лицом.

– Я не понимаю твоей зацикленности, Эйми! – Выпалил резко, обиженно, с металлом в голосе. – Не понимаю, как ты можешь так обо мне думать! Но принимаю это… Поэтому я назначил тут еще два боя. За ваши любимые титулы Клейлисов и Рорри. Если выиграю, то стану тебе ровней. И попробуй тогда снова меня заподозрить! Только попробуй предположить, что мне нужен ваш замечательный титул Саркатта, будь он неладен!

Кулаки Ласа сжались, губы вытянулись в жесткую полоску. И прежде чем я успела ответить, хотя бы сообразить – что сказать ему, как отреагировать, любовник пулей вылетел из раздевалки. Оставил мне любимый солоноватый запах своего тела, знакомый, впитавшийся в каждую клетку и… радость. Она разливалась внутри, наполняла, росла. Хотелось восторженно завизжать, как не пристало великосветской Эймердине Ульрани Саркатта, запрыгать на месте, догнать Ласа и расцеловать. Так расцеловать, чтобы запомнил вкус моих губ на все три своих поединка.

Поединка… Черт! Я пойду болеть за него! На все три боя. В костюме высокородной стервы, чтобы и публика знала – я за своего Хирурга. Единственного, кто решил доказать, что не гонится за титулом Саркатта, дорожит мной и… любит.

Уж я-то знаю – как важна поддержка публики.

Когда зал скандировал «высокородную стерву», требовал разделать противника на орехи, мышцы звенели силой и малейшие сомнения, страхи улетучивались в мгновение ока. Я шла на бой как на праздник, наполнялась верой в себя, словно впитывала ее из зала и… почти всегда выигрывала.

Медлила я недолго. Тянуть время, рефлексировать, ждать у моря погоды не в моем характере.

Переодеваться смысла не имело. Лас намекнул, что бои состоятся сегодня же. Значит, надо срочно выяснить – когда же именно…

Вот прямо сейчас пойду и выясню! Надеюсь, еще не поздно…

…Громила Валли, такой нелепый в рубашке из тонкой дорогой ткани и классических брюках со стрелками, встретил меня у самых дверей кабинета. Я почему-то всегда представляла его обмотанным шкурами, с яростным оскалом на лице и дубиной в громадной пятерне. С лицом распорядителя, очень похожим на пособие для палеонтолога, образ выходил на редкость убедительным.

Валли расплылся в хитрющей улыбке, и становилось ясно – он ждал меня, знал, что приду и зачем.

– Если поддержишь Хирурга в нынешней схватке, выделю вам лучшего напарника. – Сходу предложил распорядитель – этот мельранец просчитывал свою выгоду за секунды. Именно поэтому на состояние семьи Йалти могли безбедно прожить несколько вельможных кланов. – Его не смогли купить, был занят, но неожиданно освободился. Тот, с кем он должен был драться, заболел, перенес «встречу». Так что вам крупно повезло.

– Погоди! – удивилась я. – Лас сказал, что схваток будет три!

– Я только что с ним общался. Мы все переиграли. Будет одна схватка, трое на трое. Нравится? – Валли приподнял бровь и подмигнул. – Участвуешь? Если да, учти – осталось пять минут.

Пять минут до боя с мерзавцем Ррасти? Он не узнает меня – личность высокородной стервы оставалась тайной для всех, кроме родных и Валли. Распорядитель хранил секреты бойцов лучше, чем иные спецслужбы инкогнито своих агентов.

А я… я смогу наконец-то отыграться за все, что пережила по вине ублюдка! Набить морду проклятому альфонсу! От этой мысли у меня зашумело в голове, сердце бешено заколотилось, кулаки сжались.

Валли замер и ждал, наблюдая за моей реакцией, и, кажется, снова просчитав ее, до единой секунды.

Как только пульс выровнялся, внутри разлилось воодушевление, обычное перед боем, сила наполнила мышцы, распорядитель хмыкнул и произнес:

– Значит, я вношу тебя в регламент схватки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sapfir_yasmina/mel-ranskiy-rezonans

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити